

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

Гоните ваши
денежки

Наталья Николаевна Александрова
Гоните ваши денежки
Серия «Наследники Остапа Бендера»
Серия «Смешные детективы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27342720

*Наталья Александрова. Гоните ваши денежки: «Э»; Москва; 2017
ISBN 978-5-04-089808-4*

Аннотация

Отобрать самое дорогое, например деньги, умеют многие. Но только благородные жулики отнимают у тех, кого в самом деле не жалко, – у других жуликов, неблагородных и несимпатичных. Выдающийся мастер Леня Маркиз, верный ученик Остапа Бендера и Игоря Кио, кстати, совсем не собирался отбирать у коллекционера Осетровского все. Ему и нужна-то всего одна монета, и даже не очень редкая. Только кто же знал, что из-за китайской копейки поднимется такое – вот-вот бахнет «Аврора» и огромная китайская армия пойдет брать Зимний, потому как Лению им не достать...

Наталья Александрова

Гоните ваши денежки

© Александрова Н. Н., 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

– В этой витрине перед вами монеты, имевшие хождение в некоторых странах Африки, Юго-Восточной Азии и на небольших островах Тихого океана. – Пожилой экскурсовод снял очки и протер их носовым платком.

– Монеты? Разве это монеты? – удивился любознательный школьник и перевел глаза с отца на экскурсовода. – Это же обычные ракушки!

– Совершенно верно, молодой человек. – Экскурсовод водрузил очки на место. – Это раковины моллюска «Змеиная голова», иначе их называют каури. Но это не совсем обычные ракушки. Как я уже сказал, они широко использовались в качестве монет. Об этом говорит даже латинское название каури – *Surraea moneta*. В прежние времена этими ракушками расплачивались в лавках Судана и Занзибара, Таиланда и даже некоторых провинций Китая. Сорок раковин каури, нанизанных на шнурок, составляли более крупную денежную единицу – «связку», пятьдесят связок – «голову».

– Однако немалые кошельки приходилось носить с собой тамошним домохозяйкам, – вмешался еще один посетитель, мужчина приятной, но незапоминающейся наружности.

– Совершенно верно! – подтвердил экскурсовод. – Отправляясь за покупками, нужно было нести целый мешок денег. Но это еще довольно удобно. Вот в Новой Зеландии деньги были каменными, каждая, даже мелкая монета весила несколько килограммов, а крупные «купюры» бывали и по центнеру.

– А каменные монеты в вашем музее есть? – не унимался пятиклассник.

– Нет, они заняли бы слишком много места.

– Хорошо, что сейчас не чеканят такие тяжелые монеты, – успокоился неприметный мужчина.

– А здесь вы ошибаетесь. – Экскурсовод тонко улыбнулся. – Несколько лет назад банк Канады выпустил монету номиналом в один миллион долларов. Эта монета весит сто килограммов. Изготовлена она из чистого золота в единственном экземпляре.

– В вашей коллекции ее нет?

– Нет, к сожалению. Я же сказал: она в единственном экземпляре. А теперь перейдем к следующей витрине, где нас ждут средневековые китайские монеты династии Хань и монеты империи Чингисхана.

В Петербурге много музеев. Есть всемирно известные, как

Эрмитаж и Русский музей, есть менее известные, но довольно популярные, например, музей городского электротранспорта с историческими трамваями и троллейбусами или железнодорожный музей с самой большой в Европе детской железной дорогой. Есть музеи совсем скромные по размерам, но тоже популярные, к примеру, музей водки. Или вот этот – частный музей нумизматики с солидной коллекцией монет разных стран и эпох. Коллекция собрана владельцем музея господином Осетровским.

Мужчина с приятной, но незапоминающейся наружностью отстал от группы и внимательно осмотрел зал. Запомнил расположение дверей и окон, отметил датчики электронной сигнализации и камеры видеонаблюдения. Он сделал несколько пометок в блокноте и догнал группу в тот момент, когда экскурсовод подошел к очередной витрине.

– Здесь вы видите монеты государства Маньчжоу-Го, – вещал экскурсовод. – Это государство существовало чуть больше десяти лет на китайской территории, оккупированной Японией во время Второй мировой войны. На монетах отчеканен профиль правителя Маньчжоу-Го, последнего императора Китая Пу И.

– Что вы говорите? Профиль Пу И? – заинтересовался неприметный мужчина. – Надо же, как интересно! Наверное, это очень редкие и ценные монеты?

– Я бы так не сказал. – Экскурсовод пожал плечами: как многие профессионалы, он не любил дилетантов. – У нас

есть куда более ценные экземпляры. Кстати, вот в этой витрине хранятся самые ценные экспонаты нашего музея. Этим монетам более двух тысяч лет. Это греческие тетрадрахмы второго века до нашей эры, римские таланты и самая редкая монета – лидийский статир шестого века до нашей эры. Предполагается, что это самая древняя монета в мире. – Экскурсовод с благоговением показал указкой на хорошо сохранившуюся монету с головой льва.

– Наверное, она очень ценная? – Мужчина с незапоминающейся внешностью уважительно смотрел на витрину.

– Конечно, – усмехнулся экскурсовод. – По прошлогоднему лондонскому каталогу она оценивается в триста тысяч фунтов стерлингов.

Кто-то в группе присвистнул.

– А вы не опасаетесь выставлять ее в музей?

– Нет, ничуть. Здесь отличная охранная система. – Экскурсовод кивнул на датчики на стенах. – Эти датчики реагируют и на движение, на изменение температуры в помещении. Кроме того, по ночам наш музей охраняют специально обученные собаки.

– Собаки? – снова оживился любопытный посетитель. – Но вы только что сказали, что здесь установлены датчики движения. Они должны реагировать на собак.

– Собак не допускают в залы главной экспозиции, они обходят остальные помещения и прилегающую к музею территорию. Впрочем, наша сегодняшняя экскурсия посвящена

не системам охраны, а нумизматическому собранию музея. Сейчас мы подойдем к витрине, где представлены монеты Российской империи...

Мужчина приятной, но незапоминающейся наружности аккуратно припарковал машину во дворе дома, где имелись собственная стоянка и шлагбаум на въезде. У подъезда он вежливо придержал дверь молодой маме с коляской. В коляске спал очаровательный двухмесячный ребенок, а спереди, держась за ручку, болтал ногами еще один, постарше. Мамаша благодарно улыбнулась.

Из закутка выглянула консьержка:

– Доброго денечка, Леонид Петрович!

– И вам того же, – приветливо отозвался он.

Из лифта навстречу выплыла представительная дама с французским бульдогом.

– Ах, Леонид, – обрадовалась она, – передайте Лолочке, что я раздобыла телефон изумительного собачьего портного! Имейте в виду: там очередь на месяц вперед. Мы с Аленом уже записались.

Полное имя бульдога было Ален Делон, и можно только гадать, что общего хозяйке удалось найти между французским актером, в молодости потрясающим красавцем, и своим кривоногим любимцем.

– Обязательно передам, – ответил он с поклоном. – Хорошей вам прогулки.

«Какой приятный мужчина!» – не мог не подумать каждый, кто встретился ему на пути.

Леня Маркиз ответственно относился к собственной репутации, а потому считал, что с соседями следует жить в мире. То же касалось и сослуживцев.

Правда, судьба его сложилась так, что в делах служебных он был сам себе хозяин и ни от кого не зависел. Из сотрудников или, скорее, компаньонов у него имелась только Лола, верная боевая подруга.

У Леонида Маркова, известного в узких кругах как Леня Маркиз, была редкая по нашим временам профессия: он был мошенником. Но не просто мошенником, а мошенником экстра-класса. Он не обманывал людей на улицах, как какие-нибудь наперсточники, не шатался по квартирам, втюхивая доверчивым старушкам негодные медицинские приборы. Леня не обижал пенсионеров, а также вдов, сирот и бюджетников, справедливо полагая, что заработаешь на них всего ничего, зато огребешь по самое мама не горюй. Операции Маркиза были остроумны и изящны, он долго их готовил и почти никогда не проигрывал.

Именно благодаря своему дарованию Леня Маркиз приобрел широкую известность в узких кругах. Времена на наших глазах изменились, нравы смягчились. Теперь стало очевидно, что не в каждом деле нужна грубая сила. Иногда, и довольно часто, требуются тонкий подход и полная конфиденциальность. Как, скажем, быстро и без шума вернуть

украденную ценную вещь? Или компрометирующие фотографии? Или незаметно встретиться с известным человеком и передать ему или ей кое-что важное, не предназначенное для посторонних ушей? Вовсе ни к чему в любой из этих ситуаций оповещать полицию или собственную службу безопасности, даже если она имеется. Гораздо разумнее найти ловкого и неболтливого человека, который выполнит заказ и не станет особенно переживать, если пришлось переступить закон.

Таким человеком и был Леня Маркиз. Только в одном он хранил твердость – никакого насилия и как можно меньше криминала. Да, виртуозный мошенник Леня был убежденным противником насилия, будь то драка депутатов Думы или ссора малышей в песочнице из-за пластмассового совочка.

В свое время Леонид Марков окончил цирковое училище, в стенах которого приобрел ловкость рук и множество знакомых. Леня был человеком везучим и умным, а еще умел отлично чувствовать опасность, благодаря чему ему долгое время удавалось не общаться с полицией и прочими не слишком приятными людьми в форме.

Стоило Леониду открыть дверь собственной квартиры, как к нему тотчас явился засвидетельствовать почтение огромный угольно-черный котище с белой манишкой.

– Аскольдик, – умилился Леня, – мой дорогой!

Кот был назван в честь старого Лениного учителя и друга, ныне уже покойного. Маркиз кота обожал. Еще в квартире вместе с ним и Лолой жили песик древней мексиканской породы чихуахуа и говорящий попугай по кличке Перришон. Песик был Лолин, а попугай считался у них общим.

Лола появилась в Лениной жизни пару лет назад и с тех пор не уставала повторять, как ему с ней повезло. Его партнерша была актрисой, и не только по профессии. Она играла всегда и везде: дома на кухне, в кафе, куда любила водить своего песика, на улице – всюду, но не на сцене. На сцене она, конечно, тоже играла, но раньше, до знакомства с Маркизом. О, в те золотые годы все отдавали должное ее несомненному таланту: и режиссеры, и собраты по сцене, даже известный театральный критик Пеликанский выразился о ней однажды весьма комплиментарно. Сколько раз в сердцах Лола поминала партнеру, что ради него бросила сцену!

Обычно Леня на такие провокации не реагировал. И все же, когда Лоле удавалось вывести его из себя (надо сказать, это происходило довольно часто, поскольку Лола, как всякая уважающая себя женщина, могла из ничего соорудить три вещи – шляпку, салат и скандал), так вот, всякий раз, теряя душевное равновесие, Маркиз заявлял, что все ее слова – ложь. Само собой, она талантливая актриса, но и ужасная лентяйка, а театр бросила потому, что осточертели зависть коллег, грязные гримуборные и приставания критика Пеликанского.

Назвав таким образом вещи своими именами, Леня тотчас бросался наутек. Разумеется, у него была отличная реакция, но когда этой реакции противостоял бурный Лолин темперамент, никогда точно нельзя было сказать, кто победит.

В остальном компаньоны сосуществовали мирно, хотя Лола была капризной, рассеянной и обожала поспать по утрам.

Однако как только Маркиз объявлял начало очередной операции, она становилась послушной и исполнительной. К числу ее несомненных достоинств принадлежали виртуозное умение гримироваться и обладание целым шкафом одежды, подходящей к самым разным случаям. Словом, в спокойные минуты Леня готов был признать, что с помощью ему действительно повезло. Говорить об этом вслух, правда, зарекался: Лолка возгордится, задерет нос, и тогда ее вообще в оглобли не ввести.

Сейчас Леня прислушался. В квартире было тихо: кот двигался неслышно, попугай был заперт в клетке, а песика Лолка, очевидно, взяла с собой. Утром Маркиз поручил ей кое-что разведать, а сам отправился в музей нумизматики.

Он сварил кофе, но выпить его решил не на кухне, куда немедленно явятся хвостатые и пернатые любимцы и затребуют внеочередного кормления, а у себя.

С первым глотком он вышел в Интернет и занялся историей государства Маньчжоу-Го. Все верно: существовало та-

кое всего десять лет, и правил им император Пу И.

Да, Леня знал, что Лолка назвала своего песика именем последнего китайского императора. Какое отношение мексиканская храмовая порода чихуахуа имеет к китайскому императору, она объяснить не могла, что не мешало ей, само собой, обожать песика. Как выяснилось, настоящего Пу И после капитуляции Японии наши войска взяли в плен, а потом отдали китайцам. Бывший император долго сидел в тюрьме, вышел и работал садовником. Такая судьба.

«И нисколько не похож», – подумал Леня, разглядывая фотографии императора-садовника.

Нет, но до чего же Лолка взбалмошная особа! Вот где ее носит? Он, Леня, свою часть задания честно выполнил – побывал в музее, изучил тамошние порядки, узнал все о системе охраны и расположении камер. А где эта актриса погорелого театра? Небось сидит со своим китайским императором в кафе и потчует его ореховыми трубочками. Ветеринар же запретил!

За три дня до описываемых событий в комнате Маркиза раздался звонок. Мелодия, которую издавал мобильный телефон, сомнений не оставляла: звонил потенциальный заказчик.

Телефоны у Лени не задерживались – он вполне осознанно предпочитал их менять, причем всякий раз регистрировал на подставное лицо.

«На всякий случай», – говорил он, когда Лола фыркала и дергала плечом.

Ехидная Лолка немедленно объявляла, что у него мания преследования, но Маркиз только отмахивался. Он действительно был осторожен, и заказы брал не просто так, а только по солидной рекомендации. Было в городе несколько людей, мнению которых он доверял. А то ведь можно так нарваться...

Система, конечно, давала сбои, но крайне редко.

– Слушаю! – сказал Леня в трубку вполне любезно, но не более того.

– Мне дал ваш телефон... – Мужской голос назвал фамилию, и Леня удовлетворенно кивнул: все правильно, этот человек из тех, кто может рекомендовать. – Дело конфиденциальное и срочное. Не исключаю, что оно покажется вам чрезмерно сложным.

Леня нахмурился: он не любил, когда посторонние обсуждали его квалификацию. В самом деле, если клиент считает, что он не справится с задачей, зачем тогда обращаться? А если таким образом его пытаются спровоцировать, тогда это как-то несерьезно.

– Я готов вас выслушать, – отрывисто сказал он, – назначайте время и место встречи.

– Вы свободны в любое время? – уточнил заказчик.

Леня снова нахмурил брови. Надо же, недоверчивый какой попался клиент. Ход его мысли ясен: если Леня ухватит-

ся за предложение, стало быть, он не востребован и дела его идут плохо.

Леня Маркиз считал, что он в своей профессии достиг многого, дела его идут вполне успешно, и он обеспечен настолько, что может сам выбирать заказчиков. Вот и Лолка все время ноет, что они много работают и она совершенно запустила себя, не говоря уже о том, что Пу И скучает. Это как раз полное вранье, поскольку с Пу И Леня проводил едва ли не больше времени, чем она. Да пока эту засоню утром поднимешь, собака сто раз описается!

Но без работы Леня ужасно скучал.

– При нашей профессии, – говорил он в те редкие минуты, когда Лолка совсем распоясывалась, – на пенсию не уходят. Чуть расслабишься, одному клиенту откажешь, другому – глядишь, и не нужен ты больше никому, все к конкурентам переметнулись.

– Ты же утверждаешь, что у тебя нет конкурентов, – ехидно отвечала на это Лола. – Ты же в своей профессии лучший!

– Но клиенты этого не знают, пока не свяжутся со мной. – Маркиз был тверд.

Лола отступала еще и потому, что без работы Леня становился удивительно противным. Он ворчал, капризничал и придирался по пустякам.

Как назло, уже две недели не было никаких звонков. Леня уже начал подумывать сделать какое-нибудь доброе дело задаром – чтобы потренироваться и не потерять квалифи-

кацию. Слов нет, звонок потенциального клиента оказался весьма кстати.

– Так когда вам будет удобно? – поинтересовались в трубке.

– Вы же говорили, что дело срочное, – сухо напомнил Маркиз.

– Разумеется. Тогда сделаем так: завтра днем, нет, пожалуй, часов в пять подъезжайте к Архиерейскому саду.

– Это бывший Пионерский, что ли? – уточнил Леня.

– Он самый, на Петроградской. Там есть пруд и летнее кафе на берегу. Спросите Антона Ивановича. Это я.

– Буду, – коротко ответил Леня и отключился.

Пока шел этот разговор, явился кот Аскольд и уселся на колени к хозяину.

– Аскольдик, что ты об этом думаешь? – Леня почесал кота за ухом.

Вопрос был задан, конечно, не всерьез. Хоть Леня и признавал за котом необычайный ум, все же в делах он привык не слышать ничьих советов и принимать решения самостоятельно. Кот понимал расклад сил правильно, поэтому не обиделся и отреагировал, как всегда, многозначительно. Он устроился удобнее и замурлыкал о том, что наступило лето, и жизнь прекрасна, и вообще все замечательно...

Их обоих, Маркиза и кота, разбудила Лола, вернувшись из парикмахерской. Она была очень сердита: ее постоянный мастер Маргарита оказалась в отпуске, пришлось пойти к дру-

гой, а та сделала все не так. И краску взяла другую, и уложила плохо, и челка не на ту сторону.

– По-моему, тебе идет, – пробормотал Леня, приоткрыв один глаз.

На самом деле он вообще не заметил изменений в прическе боевой подруги. Но Лола уже завелась и теперь искала, на ком бы сорвать злость. Песика она никогда бы не обидела, кот Аскольд мигом сообразил, что хозяйка не в духе, и взлетел на шкаф. Ругаться же с попугаем было чревато: характер у наглой птицы был скандальный, да еще она набралась где-то таких выражений, что Лолины уши вмиг увядали, как цветы, которые забыли поставить в воду. А еще она боялась, что такое услышит Пу И.

Оставались только компаньон и соратник.

– Что-то ты, Ленечка, стареть стал, – притворно вздохнула Лола. – Спишь днем, как пенсионер. Делать, что ли, совсем нечего?

– Угу, – Леня сладко потянулся, – застоялся я без работы. Но это ненадолго – завтра встречаюсь с клиентом.

– Снова?

Лола на глазах впадала в меланхолию.

– Спокойно! – Леня закружил ее по комнате. – Я еды в китайском ресторане купил, сейчас будем обедать. Думаешь, я не знаю, что ты после парикмахерской всегда есть хочешь?

– До еды ли мне. – В Лолином голосе зазвенели слезы. – В зеркало на себя смотреть не могу!

– Курица в кисло-сладком соусе, запеченные баклажаны с орехами, дикий рис, – соблазнял Леня. – И еще мороженое – твоё любимое, фисташковое.

– Если только фисташковое, – слабо улыбнулась Лола.

– Лед тронулся! – возликовал Маркиз.

Старожилы Петроградской стороны знают, что давным-давно никаких больших домов в этих краях не было. Здесь теснились бревенчатые домики с уютными палисадниками и огородами, а дальше шли большие огороды, где выращивали овощи и зелень на продажу. С тех пор улицы в том углу и называются: Большая Зеленина, Малая Зеленина и Глухая Зеленина. А еще здесь была усадьба архиерея, а при ней огромный фруктовый сад.

В саду росли яблони нескольких сортов, само собой, груши и сливы, так что весной небо гудело от пчел, которые роились над деревьями. В пруду плескалась рыба, а в центре на островке жили лебеди.

После некоторых исторических событий, когда оказалось, что архиереи больше не нужны, усадьба разрушилась. Сад зарос, плодовые деревья высохли и вымерзли. Выжили только дубы и липы – этих ничто не возьмет.

Перед войной поговаривали, что в саду водятся привидения. Якобы сторож с Бармалеевой улицы как-то ночью слышал в кустах подозрительную возню и неприличный залихватый смех. Но и это не все: отсмеявшись, на тропинку вышла

высокая фигура в белом, подлетела к сторожу и схватила за шею. Бедняга протрезвел со страха и бросился бежать. Очнулся, а кошелька-то нет, видно, нечистая сила позарилась.

Соседи ахали, жена ругалась: пропил, дескать, паразит всю получку, а нечистая сила совершенно ни при чем.

Пошаливали в саду и правда прилично, но скорее все же шпана, а не привидения.

В блокаду дубы и липы срубили на дрова, и сад зарос совсем безобразно – крапивой в человеческий рост, лебедой и лопухами. Осенью на кустах зрели ядовитые красные ягоды, называемые волчьими.

Уже в 1960-е годы сад решили привести в порядок. Даже в газетах написали, что вместо старого парка, рассадника всевозможных безобразий, теперь будет новый, который отдадут детям и назовут Пионерским.

Сказано – сделано. Выкорчевали старые деревья, посадили березы и ели, проложили дорожки, а между дорожками обустроили газоны и клумбы.

Архиерейский пруд чистили больше недели. На дне обнаружили залежи пустых бутылок и граненых стаканов, а также весьма подозрительные кости и станковый пулемет «Максим» в хорошей сохранности – только почистить, смазать и можно ставить на крышу.

О пулемете в газетах не писали, однако знающие люди рассказывали.

Лебединый домик давно развалился, и лебеди больше не

прилетали, наверное, нашли более уютное обиталище. Зато появились утки, а на деревьях теперь гнездовались разные мелкие представители семейства пернатых.

Как и полагается, в парке сделали закрытый павильон, где работали кружки – шахматный, судомодельный и мягкой игрушки. Еще была открытая эстрада, на которой выступали пионерские ансамбли – тонкие трогательные голоса выводили «То березка, то рябина» или еще что-то о дощечке и лесенке.

Наконец, здесь была мемориальная аллея пионеров-героев – усаженная тополями дорожка, где через равные промежутки висели портреты знаменитых пионеров, начиная, как водится, с Павлика Морозова. Это теперь насчет Павлика существуют некоторые сомнения, и уже не все уверены, что стоит считать героем мальчика, предавшего собственного отца, а раньше сомнениям не было места.

Аллея заканчивалась круглой площадкой с трибуной, над которой реяли флаги. Перед трибуной разбили клумбу в виде пятиконечной звезды. Цвели здесь всегда одни и те же ярко-алые цветы, называемые по науке сальвией, или шалфеем декоративным, а в народе именуемые партийцами.

После перестройки парк захирел. В самом деле, какая уж тут аллея пионеров-героев, когда самой пионерской организации больше не существует.

Леня Маркиз здесь не бывал по самой очевидной причи-

не – детей у него не было и пока не предвиделось. Слышал, конечно, краем уха, что Пионерский парк снова переименовали в Архиерейский и провели реконструкцию.

Машину он оставил у входа и прошел через кованые ворота.

Вид парка радовал глаз. Щиты с пионерами давно убрали. Теперь между тополями были протянуты разноцветные фонарики. Вечером, в темноте, здесь, наверное, было очень красиво.

Вместо пятиконечной клумбы с недоброй памяти партийцами красовался роскошный цветник, разбитый по всем правилам садово-паркового искусства.

Леня миновал цветник, прошел по тенистой аллее и вышел к пруду. Павильон, где послушные дети в незапамятные времена мастерили модели крейсеров и миноносцев и шили зайцев и медвежат, очень удачно переделали в ресторан. На берегу пруда поместилось несколько столиков под нарядными полосатыми тентами. Сам пруд был поделен сеткой на две равные части. В одной цвели лилии и плавали утки. У другого берега стояли удочки – за умеренную плату там разрешали ловить рыбу.

Леня выбрал столик ближе к воде. Официант подошел не так чтобы уж очень быстро, и это несмотря на то, что посетителей почти не было. Никого, кто мог бы оказаться клиентом, Леня не заметил.

– Меня здесь должны ждать, – проговорил он с сомнени-

ем. – Антон Иванович.

Официант задумчиво оглядел столики. У Маркиза шевельнулась была здравая мысль, что следует уходить отсюда как можно скорее. Этот заказчик не понравился ему еще по телефону, а уж если он опаздывает на встречу...

– Антон Иванович, – сама себя спросил, – хм, кто это? А вы заказывать будете? Рыбка свеженькая, только почистили. – Он кивнул в сторону пруда.

– Угу, и утка, свеженькая, только ощипали, – поддакнул Леня и тоже кивнул на пруд.

– Постойте! – Официант вдруг хлопнул себя по лбу. – Так вам Иоганныча, что ли? Точно, он же Антон! А я-то сразу и не сообразил.

Он отошел в сторону, сложил ладони рупором и крикнул на тот берег:

– Антон Иоганныч! К вам гости!

Тотчас один из рыболовов поднялся и заторопился в сторону кафе.

– Так что насчет рыбки? – Официант вернулся к Лене.

– Нет, спасибо. Мне, пожалуйста, кофе и водички минеральной. Только чтобы без газа.

– К кофе пирожное, чизкейк? – зачастил официант, но Леня отмахнулся.

– Берите булочку, – сказал, подходя, заказчик. – Вчерашнюю.

– Зачем мне вчерашняя булочка? – удивился Маркиз.

– Вы все равно есть не станете, а уткам полезен черствый хлеб.

Под ногами у Маркиза как раз в эту минуту проплывали два ярких самодовольных селезня и одна дама в скромном повседневном оперении. Она посмотрела на Леню со значением и издала выразительный крик: давай, мол, булку, не жадничай.

Официант ушел. Только теперь Леня внимательно пригляделся к заказчику.

С виду господин ничего себе – довольно крепкий, подтянутый, хоть и немолодой. Шестой десяток небось не только разменял, но и прожил больше половины. Одет скромно – в джинсах и спортивной куртке. Оно и понятно, не в смокинге же рыбу ловить. Волосы хоть и седые, но густые и аккуратно постриженные.

В этом месте Леня Маркиз слегка расстроился.

Увы, иллюзий не было: его собственные волосы на шестом десятке не будут выглядеть так хорошо. Макушка уже сейчас начинает редеть. Правда, Ленин парикмахер уверяет, что это только кажется, но ведь от них, от парикмахеров, правды не дождешься. А к Лолке с таким вопросом не обратишься. Не хватало только давать ей против себя такой, от насмешек потом спасу не будет.

Официант принес заказ. При виде булочки утки заметно оживились.

– Вы позволите? – Заказчик стал отщипывать кусочки от

Лениной булки и бросать их в воду.

Маркиз вдруг ощутил детскую обиду. Он, может, сам хотел уточек покормить, булка-то его. Закажи свою и корми на здоровье! Что за манера – пользоваться чужим на дармовщину. Нет, определенно этот человек ему не нравился.

Леня тут же мысленно усмехнулся. Да, неприятный тип, но что, из-за булки с ним расстаться? А вообще он сюда не уток кормить пришел, у него время не казенное.

– Может быть, перейдем к делу? – предложил он. – Вы говорили, что оно срочное.

– Да-да. – Заказчик с явным сожалением отвернулся от воды. – Вы совершенно правы.

– Итак, – Леня решил взять инициативу в свои руки, – обо мне вы наводили справки и знаете, что проколов у меня не бывает. Размер гонорара тоже известен.

– Наслышан. – Заказчик усмехнулся. – Давайте по порядку. Меня зовут Антон Иванович Штемпель. Да, Штемпель, фамилия такая. Спасибо, что сдержали улыбку.

Леня поклонился. При его профессии умение следить за лицом – едва ли не самая важная вещь.

– Фамилия немецкая, – продолжал заказчик. – Батюшку моего звали Иоганном Альбертовичем, но вам это неинтересно. Дело у меня вот какое. – Он снова загляделся на уток и стал нашаривать ладонью булку.

Но Леня уже спрятал остатки, а когда Антон Иванович удивленно посмотрел на него, ответил безмятежным взгля-

дом.

– В районе Никольской церкви есть музей нумизматики, – начал Штемпель со вздохом.

«В жизни не слышал», – подумал Леня, но изобразил внимание.

– Музей частный, принадлежит некоему Дмитрию Осетровскому, богатому человеку и страстному коллекционеру. Так вот, – Антон Иванович пристально посмотрел Лене в глаза, – мне нужно, чтобы вы украли из этого музея одну монету.

– Что за монета? – поинтересовался Леня после некоторого молчания. – Динарий императора Тиберия? Тетрадрахма Александра Македонского? Что-то средневековое?

– Нет-нет, монета не слишком ценная, – заторопился заказчик. – Она представляет ценность только для меня. Это монета государства Маньчжоу-Го.

«В жизни не слышал», – снова отметил Леня.

– Монета не слишком редкая, хотя отличается от остальных – она не круглая, а овальной формы. Но дело не в этом.

– Сколько она стоит? – поинтересовался Леня.

– Боюсь, что стоит она тысяч пять. Рублей, если вы меня не поняли.

– Что? – вспыхнул Маркиз. – И вы утверждаете, что знаете мои расценки? Десять процентов от стоимости вещи! Вы предлагаете мне совершить кражу за гонорар в пятьсот рублей? Сударь, вы ошиблись адресом, у меня не благотвори-

тельный фонд. Я и без того не унижаюсь до вульгарной кражи, а уж за такой гонорар...

– Послушайте, не надо так кипятиться. – Клиент нахмурил брови. – Дайте же договорить! Мне рекомендовали вас как человека умного и понимающего.

Маркиз и сам не знал, с чего он так разозлился. Вот не нравился ему этот человек, и все. Да еще утки не вовремя разошлись – булки, видите ли, захотелось.

– Если рассмотреть мое дело под другим углом, – заговорил Антон Иванович, – получится вовсе не кража, а возвращение украденного. Восстановление исторической справедливости, если угодно. Дело в том, что эта монета моя. Митька Осетровский украл ее у меня очень давно. – Он сделал паузу и изучающе взглянул на Маркиза: – Вы, Леонид, коллекционировали что-нибудь?

– Марки в детстве пробовал собирать, – неохотно признался Ленья. – Еще этикетки от спичечных коробков и конфетные фантики, но это когда совсем маленький был.

– Вот и я с детства заболел собирательством, только сразу начал с монет. У меня был сосед – очень интересный человек. Он много лет жил в Китае, подозреваю, что не под своим именем, и знал множество удивительных вещей, в том числе и о монетах. Это он подарил мне эту монету государства Маньчжоу-Го.

«В жизни не слышал», – привычно подумал Ленья.

– Он говорил, что эта монета положит начало моей кол-

лекции, что она счастливая. Я был мальчишкой и верил ему. Потом он умер, а я действительно увлекся собирательством. Научился разбираться в монетах, уже безошибочно определял мало-мальски ценные. С Митькой мы учились в школе, он немного младше. Мы подружились на почве нумизматики. Однажды он пришел ко мне, и мы провели целый вечер за рассматриванием моей коллекции. Я хватился пропажи только на следующий день.

Было воскресенье, и он уехал с родителями на дачу. Потом он бегал от меня три дня, пока я не подстерег его под лестницей и не побил. Меня же обвинили во всем как старшего. Отца, конечно, вызвали в школу, а он у меня был крут. Дома он заявил, что больше не желает слышать ни о каких монетах и запрещает мне заниматься нумизматикой. Он хотел выбросить всю мою коллекцию, но кто-то из соседей ему сказал, что она может представлять ценность. В общем, родители все убрали и отправили меня в пионерский лагерь – как раз подошло лето.

– Печально. – Леня собирался добавить, что он искренне сочувствует, но обнаружил, что сочувствия у него как раз нет.

– С Митькой мы больше не сталкивались, – продолжал Антон Иванович. – Осенью он переехал и пошел в другую школу. А я, как ни старался, не мог выбросить монеты из головы. Хотел начать все заново – не получалось, все же какие-то деньги нужны или обменный фонд, а у меня не было

ни того ни другого. Отец и слышать не хотел о том, чтобы отдать коллекцию. Отношения у нас испортились, и как оказалось, навсегда. Со свойственным юности максимализмом я все делал наперекор. Любой родительский совет воспринимал в штыки. Учителя перекрестились, когда выпустили меня, потому что я тоже надоел до чертиков.

Один из селезней выбрался на берег, вразвалку подошел к столику, повернул изумрудную голову и очень выразительно посмотрел на Леню. Совсем как Аскольд, когда оттирается возле холодильника. Леня рассмеялся и бросил ему булку.

– Вы слушаете? – спросил заказчик с заметным неудовольствием.

– Я весь внимание, но не могли бы вы выражаться яснее? И ближе к делу, пожалуйста.

– Извольте. С тех пор прошло много времени, я относительно преуспел и решил на старости лет снова заняться нумизматикой. Собрал неплохую коллекцию. Даже, знаете ли, та детская вернулась ко мне после смерти отца.

Митька Осетровский тоже не терял времени даром. Он разбогател и открыл частный музей нумизматики. На вечеринку по случаю открытия он пригласил всех коллекционеров, кроме меня. Хотя я, конечно, и сам бы не пошел. С тех пор мы с ним так и не встречались.

Но когда музей открылся, я пришел туда как обычный посетитель. Деньги за билет заплатил. – Антон Иванович усмехнулся. – Представьте, каково было мое удивление, ко-

гда я увидел в витрине свою монету! Ту самую, государства Маньчжоу-Го! Ту, что он украл у меня, когда мы были детьми! Он сохранил ее, и, судя по размаху дела, она принесла ему удачу. Ему, а не мне.

Леня исподтишка взглянул на заказчика. Ему решительно не нравилось, с какой ажитацией все это было сказано. Так и есть: глаза горят, волосы взлохмачены, сам перевозбужден.

– Словом, я решил, что монета должна вернуться ко мне. Это талисман, понимаете? Это подарок человека, которого я очень уважал. Можете считать это моим капризом, хотя на самом деле это не так.

– А вы не пробовали по-хорошему договориться с Осетровским? – Леня сказал это и немедленно: – Понял, понял, давняя вражда!

– Да нет, просто он ничего не продает.

На миг в глазах заказчика мелькнуло странное выражение, но оно исчезло, и Маркиз так и не сумел понять, что бы это значило.

– Так вы согласны? – напрямую спросил бывший владелец монеты. – Вопрос о вознаграждении решим.

Вопрос решили к обоюдному согласию. Маркиз пошел наперекор правилу десяти процентов и назвал солидную сумму. Заказчик не стал торговаться.

– Ну-с, – Антон Иванович посмотрел на часы, – не смею вас больше задерживать.

Леня быстро опустил глаза, чтобы клиент не увидел в них

нечто чрезвычайно для себя неприятное. Нет, все-таки до чего этот человек ему не нравится!

— Позвольте откланяться. — Он поднялся. — Я сообщу вам о результатах.

— Как скоро это будет?

«Скоро только кошки родятся». — Маркизу хотелось ответить по-хамски, но он, естественно, сдержался, улыбнулся как можно любезнее, но назвать точный срок отказался.

Заказчик и не подумал подать ему руку на прощание, просто перешел на другую сторону пруда, где пристроился к удочке. Леня проводил его рассеянным взглядом и побрел к выходу из парка. Однако стоило кустам сирени заслонить его от официанта, как он тут же развернулся и пошел назад, забирая в сторону.

Леня обошел павильон, на котором теперь красовалась вывеска «Ресторан «Подворье». Помимо открытой террасы, где он сидел, здесь имелся еще довольно приличный зал внутри. Зал был пуст, наверное, ресторан открывался позднее.

Маркиз окинул все это великолепие взглядом празднующего человека. Откуда-то немедленно вынырнул накачанный парень:

— Мы закрыты до шести!

Чувствовалось, что, если Леня предпримет даже малейшую попытку возмутиться, охранник с удовольствием выставит его вон.

– Да я ничего такого. – Леня простодушно улыбнулся. – Просто смотрю, гуляю...

– Нечего смотреть. У нас не музей. – Охранник был все так же суров.

«Что за публика, – расстроился Леня. – Официант – прохиндей, охранник – хам. Ой, до чего мне здесь не нравится!...»

Однако уйти просто так нельзя. Глупо не выяснить здесь хоть что-нибудь о новом заказчике.

Судя по всему, он проводит в этом саду много времени. Официант запросто называет его Иоганнычем, стало быть, он здесь свой. Но официанта расспрашивать нельзя, этот держиморда тоже ничего не скажет, еще как пить дать накостыляет по шее. Леня за себя, конечно, постоит, но поднимать шум совершенно ни к чему.

Он разочарованно побрел прочь. За павильоном его ждало маленькое открытие. Оказывается, ресторан был шикарным только с виду. На заднем дворе, огороженном простой проволоочной сеткой, валялись какие-то доски, ящики и то, что осталось от трудолюбивых пионеров – транспаранты и вырезанные из фанеры силуэты крейсеров. Леня прошел вдоль сетки до маленькой калитки, замотанной проволокой, как у нерадивого деревенского хозяина. Он уже взялся было за проволоку, но тут из-за ящиков появился здоровенный детина в грязной белой куртке и поварском колпаке. Одной рукой тащил что-то извивающееся и визжащее, как поросе-

нок.

Маркиз едва успел спрятаться за кусты. Свободной рукой мужик рванул калитку и выбросил визжащее существо на траву.

– Чтобы ноги твоей больше в ресторане не было! – про-
рокотал он и удалился.

Леня высунул голову из кустов и наконец рассмотрел, кто перед ним. Жертвой повара оказался мальчишка, худой и малорослый. Он размазал рукавом сопли и со стоном поднялся.

– Ты живой там? – окликнул его Леня.

– А то, – буркнул тот.

– Тогда отползай сюда, в кусты.

– Это зачем? – поинтересовался мальчишка. – Чего мне там делать?

– Как хочешь, – не стал спорить Маркиз. – Тогда я пойду.

– погоди! – встрепенулся пацан. – У тебя закурить есть?

– Найдется.

Мальчишка мигом перебрался в кусты. Здесь было грязновато, зато их не могли видеть из ресторана.

– Этот, в колпаке, шеф-повар, что ли? – поинтересовался Маркиз.

– Он, зараза, – мальчишка шмыгнул носом, – давно на меня наезжает. А что я сделал-то? Банки переставил с солью и сахаром. А если они одинаковые? Каждый может ошибиться!

– И что вышло? – любопытствовал Маркиз.

– Он в баварский крем соли бухнул, а в суп харчо – сахара! – Это было сказано таким довольным голосом, что Леня тотчас предположил, что никакой ошибки не было – предприимчивый молодой человек нарочно переставил банки.

В подтверждение этих подозрений поваренок, теперь уже бывший, по-хозяйски запустил лапу в пачку сигарет и выудил чуть ли не половину.

– Давно тут работаешь-то? – любопытствовал Леня.

Мальчишка зыркнул сердито, но, видно, усовестился, вспомнив о сигаретах, и ответил вполне дружелюбно:

– Четвертый день. Шеф-повар этот, Михал Михалыч, сосед наш с теткой. Тетка упростила меня к делу пристроить, мол, чего целое лето болтаться, в ресторане хоть накормят. Ага, накормят – обедками!

– Так ведь на чем сидишь, то и имеешь.

– Ага, как бы не так. Сам Михмих сумками с кухни несет. У него собака, бордосский дог, так он мяса никогда не покупает, все свое, ресторанное. А другим только гарнир – картошка там или макароны. Поварят гоняет в хвост и в гриву, чуть что уши крутит. – Он потер горящее ухо.

– Понятно, – усмехнулся Маркиз. – Ты, значит, решил наплевать на тетнины инструкции и дать деру. А то жизнь молодая проходит у плиты...

– Точно! – расцвел мальчишка. – Так бы тетка ни за что не согласилась, а раз Михмих сам меня выгнал...

– Не понравилось тебе здесь, понимаю.

– А то! – вскинулся мальчишка. – Они здесь все как один жулики и такой дрянью клиентов кормят! Ты в этот ресторан не ходи, я уж знаю, что говорю.

– Уговорил, не пойду, – согласился Ленья. – А что ж хозяин-то?

– А хозяину все до лампочки, – отмахнулся пацан. – Мих-мих всем заправляет, а хозяин только рыбу ловит целыми днями.

– Постой, – догадался Ленья, – так это Иоганныча, что ли, ресторан?

– А ты не знал вроде? – хмыкнул несостоявшийся повар. – Но я тебе скажу: скоро он прогорит. Сюда второй раз ни один нормальный человек не придет.

– Ясное дело, если все время рыбу ловить, для бизнеса никакой пользы. – Ленья поднялся. – Однако я, пожалуй, пойду. Будь здоров.

– Дай еще сигарет! – обнаглел пацан.

– Бросай курить, вставай на лыжи, – отечески посоветовал Ленья.

– Так сейчас же лето! – Тот принял его слова всерьез.

– А ты на водные.

В сущности, какое ему дело, как обстоят дела у заказчика, лишь бы заплатил за работу. Однако если бизнес идет туго, откуда денежки на такой каприз? Монета, видите ли, дорога ему как память. Ладно, раз сговорились, пора приступить к

операции.

Два дня ушло на разведку и предварительную разработку плана. Леня посетил музей нумизматики, осмотрелся и внимательно изучил систему охраны. Лоле он велел разузнать кое-что насчет обслуживающего персонала. Решающая стадия операции была намечена на завтра. Заказчик торопил, а Лолка, как назло, где-то гуляет со своим песиком. Нет, что у него за партнерша – никакой ответственности!

Стоило ему это подумать, как в замке заскрипел ключ. Понеслось твяканье, за ним стук Лолиных каблучков.

– Явилась наконец, – прошипел Леня. – Тебя только за смертью посылать! Выяснила что-нибудь?

– Спокойно, Ленечка! – Лола была в чудесном настроении, поскольку они с Пу И успели прогуляться и побывать в кафе. – Все выяснила. Там тетка уборщица, приходит по вечерам. Вот, я все подробно записала.

– Что ж, удачи нам на завтра.

– Леня, – Лола всегда была чрезвычайно проницательной, вот и сейчас без труда уловила в его интонации что-то не то, – что не так?

– Да все так! – Он отмахнулся. – Пока тебя ждал – извелся весь.

Изольда Ильинична Иголкина большую часть сознательной жизни преподавала в Холодильном институте стран-

ный предмет под названием «Политэкономия социализма». Предмет этот считался крайне важным, хотя институтские остряки говорили, что он относится к области ненаучной фантастики, поскольку никакой политэкономии социализма в природе не существует, как не существует и самого социализма. Говорили они это, понятно, вполголоса и только среди своих, потому как за такую шутку в те времена можно было запросто вылететь из Холодильного института и попасть в такие края, где холодильники совершенно не актуальны по причине сурового климата.

Тем не менее Изольда Ильинична считалась в своем вузе весьма уважаемым человеком, студенты ее боялись как огня и называли за глаза Занудой Ильиничной или ИИИ.

Иглокожина получала солидную зарплату и пользовалась всевозможными льготами. Что говорить, однажды она даже ездила по туристической путевке за границу, в Болгарию, и в ближайшем будущем ей была твердо обещана путевка в Федеративную Югославию.

Правда, это будущее так и не наступило.

Как выяснилось, институтские остряки оказались правы. Социализм отменили и вместе с ним отменили предмет, который преподавала Изольда Ильинична. Она была так потрясена этим фактом, что долго отказывалась видеть очевидное.

Когда ее должность в Холодильном институте упразднили, она попыталась устроиться в Институт котлов и печей, где кафедрой общественных наук заведовал ее старинный

знакомый. Но знакомый с грустью подтвердил, что специалисты ее профиля более не требуются. Сам он, как выяснила Изольда Ильинична, переключился с преподавания истории КПСС на историю мировых религий, которая была теперь на пике всеобщего интереса.

Иглокожина переквалифицироваться не смогла. Какое-то время она перебивалась случайными заработками, пока наконец не поняла, что единственная гарантированная вакансия для нее – место уборщицы.

Разумеется, она не сразу сумела принять этот факт. В конце концов пришлось вспомнить, что бытие первично, а сознание вторично, и смириться с неизбежным.

С тех пор она и работала уборщицей, благо с советских времен в голову было крепко вбито, что нет профессий первого и второго сорта, и всякий труд в нашей стране в почете.

Тем временем дочка Изольды Ильиничны Галя успела выйти замуж и родить сына. Именно в нем экс-специалистка по политэкономии социализма нашла смысл жизни. Она решила, что только она, с ее высшим образованием и богатым педагогическим опытом, сможет воспитать из внука Гоши настоящего человека. Именно так, с воображаемой большой буквы. Даже с двух больших букв.

Как только Гоша подрос, Изольда Ильинична начала читать ему книги, в воспитательном значении которых не сомневалась. «Васек Трубачев и его товарищи», «Тимур и его команда», «Флаги на башнях» и, само собой, «Как закаля-

лась сталь». После такой литературы бедный Гоша, которому едва исполнилось пять, начал вздрагивать и беспричинно плакать. Дальше у него нарушился сон и пропал аппетит. Озабоченные родители водили его к врачам, но те только пожимали плечами и не могли понять причину нервного расстройства.

Так продолжалось до тех пор, пока однажды зять Изольды Ильиничны случайно не заглянул к Гоше в ту самую минуту, когда бабушка с выражением читала:

«В жуткой короткой схватке в маленьком домике разлетелись, как гнилые арбузы, две петлюровские головы. Страшный в своем гневе обреченного, кузнец яростно защищал две жизни, и долго трещали сухие выстрелы у речки...»

– Мама, что вы читаете ребенку? – в ужасе воскликнул зять.

– Настоящую серьезную литературу, – ответствовала Изольда Ильинична. – Книгу, которая сделает из него строителя светлого будущего.

С этого дня ее влияние на внука было сведено к минимуму. Теперь бабушку подпускали к Гоше только в безвыходных ситуациях, когда его больше не с кем было оставить и на горизонте маячил страшный призрак продленки.

Сама Изольда Ильинична относилась к такому положению очень болезненно. Само собой, она считала Гошиных родителей людьми безответственными, способными довести ребенка до тяжелого хронического заболевания и даже до

преждевременной смерти.

Неделю назад эти самые родители отправили свое подросшее и окрепшее чадо в летний оздоровительный лагерь с углубленным изучением финского языка. Лагерь находился на Карельском перешейке, недалеко от финской границы. Судя по всему, его организаторы считали, что такое удачное расположение должно способствовать успешному усвоению языка.

Сами же родители отправились в Турцию – погреться на солнышке и поплавать в море.

Изольда Ильинична с самого начала была против этого лагеря. Чему хорошему там могут научить ее обожаемого внука? Но Гошины родители ничего не желали слушать.

В минувшие выходные она навестила Гошеньку, хотя добираться до лагеря было крайне неудобно – сначала электричкой до Зеленогорска, а оттуда рейсовым автобусом, который ходил дважды в сутки. Лагерь произвел на Изольду самое неблагоприятное впечатление. Наглядная агитация отсутствовала, воспитательная работа была поставлена из рук вон плохо, а в лагерной библиотеке не нашлось ни «Тимура и его команды», ни «Васька Трубачева», ни «Флагов на башнях».

Этим вечером Изольда Ильинична собиралась на работу – в музей нумизматики, где она каждый день после закрытия мыла полы. Она уже собиралась выйти из дома, как вдруг зазвонил телефон.

Сердце Изольды забилося от волнения. Она сразу почувствовала, что с обожаемым внуком что-то случилось, и разумеется, случилось ужасное.

Она схватила трубку, и худшие ожидания немедленно подтвердились.

Из трубки сквозь треск и шорох донесся неразборчивый мужской голос.

– Из лагеря, насчет отдыхающего Георгия Семипядева.

Изольда Ильинична схватилась за сердце.

– Что случилось с Гошенькой? – воскликнула она. – Он жив?

– Жив, жив, – донеслось сквозь треск и шорох, – еще как жив! Как говорится, живет всех живых. Но он здесь такое устроил... Это просто кошмар!

– Что случилось? – Изольда Ильинична осела на пол в коридоре.

Она знала, что ее внук – умный и изобретательный мальчик. Например, минувшей зимой он одел в ее сатиновый рабочий халат и косынку скелет в школьном кабинете анатомии, а в костлявые руки скелета вложил ведро и швабру. Подслеповатая учительница приняла учебную модель за школьную уборщицу тетю Броню и попросила навести порядок после урока. Поскольку скелет не ответил, учительница подошла поближе, поправила очки и грохнулась в обморок.

Вот и теперь Изольда Ильинична ожидала чего-то подобного.

– Что с Гошей? – повторила она.

– Рядом с лагерем находится крупный зверосовхоз, где разводят ценных пушных животных.

Треск и шум снова усилились. Голос стал совершенно неразборчивым.

– Так что же с моим Гошенькой?

– С ним – ничего! – Голос прорезался сквозь помехи. – Пока ничего. Но ваш Гоша умудрился выпустить на свободу полторы тысячи норок, куниц и ханориков.

– Кого? – изумилась Изольда Ильинична. – Каких хануриков? У вас зверосовхоз или исправительное заведение? Мне сразу не понравился этот лагерь!

– Не хануриков, а ханориков! Это пушной зверек, помесь хорька и норки.

– При чем здесь ваши хорьки и норки? – Перепуганная бабушка уже не сомневалась, что ее отвлекают специально, чтобы не говорить о главном. – Что с Гошей?

– С Гошей все нормально, – повторил директор лагеря. – Вот с пушными животными и еще с птицей...

– С какой птицей? Из-за какой-то одной птицы столько шума!

– Из-за одной? – донеслось сквозь помехи. – Если бы! Здесь у нас по соседству еще птицефабрика, куда проникли норки и куницы, которых выпустил ваш Гоша.

– Бедный Гошенька! – застонала Изольда Ильинична. – Представляю, как он переживает!

– Вам лучше приехать и забрать его. Директор зверосовхоза совершенно озверел, директор птицефабрики разошелся, и я не ручаюсь...

– Еду! Немедленно выхожу!

Изольда Ильинична понеслась на Финляндский вокзал, едва успев взять самое необходимое, а именно бинты, йод и продукты питания для Гоши.

Часом позже к служебному входу музея подошла румяная молодая особа классического деревенского вида – в пестрой бесформенной юбке турецкого производства и жизнерадостной кофточке с рукавами-фонариками. Кофточка еле сходилась на пышной груди, верхняя пуговка была расстегнута. Голову прекрасной незнакомки украшала замечательная оранжевая панاما, которой она, несомненно, гордилась.

– Кто такая? – грозно поинтересовался охранник.

– Анжела я, – незнакомка стрельнула глазами, – Извольды Ильиничны племянница. Которая у вас туточки прибирается. Из деревни я приехала, из Запечья.

– Вижу, что не из Парижа, – усмехнулся охранник. – А сюда по какому случаю явилась?

– А я вместо тетеньки, значит, вместо Извольды Ильиничны. Тетенька, она по делам уехала, а меня попросила, значит, вместо нее тут прибрать, а то непорядок будет.

– Вместо тетеньки, – передразнил охранник. – Здесь тебе не ларек какой-нибудь, здесь музей, место серьезное! Сюда

кого ни попало пускать не положено.

– Да разве я, дяденька, не понимаю? – Румяная девица поправила кофточку, и вторая пуговка расстегнулась сама собой. – Я ж не только по машинному доению, я и в доме культуры убирала, у Ивана Сергеевича. Там тоже место серьезное, очаг культуры, и Иван Сергеевич всегда мною доволен был. Вы, дяденька, тоже довольные останетесь.

– Тургенев тебе дяденька, – беззлобно проворчал охранник. – Ладно, племянница, заходи. Убирать все равно надо, после посетителей мусора полно.

Деваха состроила ему глазки и протиснулась через турникет, виляя бедрами.

– Смотри до десяти закончи! – крикнул охранник ей вслед. – В десять собаки придут, так как бы чего не вышло.

– Управлюсь я, дяденька, – пообещала уборщица. – До десяти непременно управлюсь, делов-то! А если даже собаки придут, так что я, собак не видала? У нашего пастуха дяди Паши такая собака – страх! От нее даже председатель колхоза Никодим Прохорович, и тот бегают.

Уединившись во внутренних помещениях, эта уборщица повела себя весьма странно. Нет, она, конечно, старательно принялась мести пол, но стоило ей отойти туда, где ее не могла видеть камера, как она откладывала щетку и принималась осматривать окна.

Все окна в этом помещении были снабжены датчиками, которые срабатывают при попытке разбить или открыть ок-

но. Установив этот неприятный факт, уборщица переместилась в коридор, а оттуда в туалет. Только здесь ей удалось обнаружить окно, на котором не было датчика.

Специалистка по машинному доению встала на цыпочки и откинула шпингалет.

Окошко оказалось маленьким и располагалось под самым потолком.

– Ничего, – пробормотала она вполголоса, – пускай Ленечка потрудится. Не зря же он цирковое училище окончил.

Она высунула в окно руку с белым платком и помахала им, как парламентар перед переговорами о капитуляции.

Решив вопрос с окном, мнимая уборщица вернулась в музейный зал и наскоро завершила уборку. Перед тем как уйти, она сделала еще кое-что непредусмотренное инструкцией – насыпала в углу горку аппетитных хрустящих подушечек.

Проходя мимо охранника, бойкая деревенская девушка кокетливо улыбнулась, поправила кофточку и проговорила нараспев:

– До свиданьица, дяденька! Может, еще свидимся.

– Тете привет, – напутствовал ее охранник.

Леонид Марков, широко известный в узких кругах как Леня Маркиз, сидел в машине, припаркованной в переулке на задах частного музея, и ждал.

Ожидание – важнейшая часть любой серьезной операции. В Лениной профессии умение ждать иногда оказыва-

лось важнее умения незаметно проникнуть в чужую квартиру, вскрыть сейф или втереться в доверие к незнакомому человеку, чтобы ненавязчиво освободить его от лишних денежных знаков.

Сейчас он внимательно наблюдал за зданием музея. Наконец окошко в бельэтаже открылось, и оттуда высунулась женская рука с белым платочком.

– Молодец Лолка! – вполголоса проговорил Леня и выбрался из машины.

С задней стороны к зданию музея примыкал небольшой сквер, огороженный кованой решеткой. Леня ловко вскарабкался на нее и прыгнул по другую сторону. У музейной стены он огляделся.

Переулок за оградой был пустым и безлюдным, как земля в первый день творения.

Леня закинул за спину сумку с инструментами, уцепился пальцами за кирпичную кладку и в два счета вскарабкался по стене к окну.

В юности ему довелось освоить целый ряд цирковых специальностей. Он выступал в качестве фокусника-престижителя (этим красивым словом называются те, кто показывает карточные фокусы, а также достает из шляпы кроликов, букеты и другие предметы повышенного спроса), успел побывать воздушным гимнастом, акробатом и даже дрессировщиком мелких животных, главным образом собак и кошек. Взобраться по кирпичной стене для него не представля-

ло никакого труда.

Пролезть в окно оказалось труднее. Это окно явно не было рассчитано на взрослого человека, даже такого спортивного, как Маркиз. Пыхтя и отдуваясь, он все же протиснулся внутрь и немедленно дал себе слово с завтрашнего дня ограничить мучное и сладкое, сократить потребление пива и прибавить несколько упражнений к ежедневной утренней зарядке.

Дальше он прыгнул на кафельный пол в музейном туалете. Здесь он отдышался, привел в порядок одежду и взглянул на часы.

До начала основной части операции оставалось полторы минуты. Если совсем точно, минута двадцать пять секунд.

В этот момент в коридоре слышались шаги.

Леня быстро огляделся, успел захлопнуть окно и юркнуть в одну из трех туалетных кабинок.

Шаги приближались.

В туалет вошел охранник. Он дернул закрытую дверь, пожал плечами и зашел в другую кабинку.

Донеслось журчание, дверца хлопнула, полилась вода из крана, и снова все стихло.

До начала операции оставалось пять секунд. Четыре. Три. Одна.

Секундная стрелка подошла к цифре двенадцать, но ничего не произошло.

– Что же ты, Ухо? – пробормотал Леня.

В этот самый момент до него донеслись резкий скрежет тормозов, оглушительный грохот и леденящий душу крик.

Ленина реакция на эти звуки была странной: он облегченно вздохнул, улыбнулся, натянул маску кролика Банни и вышел в коридор.

У входа в музей в это самое время происходило нечто ужасное.

В паре метров от крыльца дымилась врезавшаяся в столб машина с покореженным капотом. Рядом с ней корчился тяжело раненный. Он еще подавал признаки жизни, даже пытался отползти подальше от места аварии, но его лицо и одежда были залиты кровью, а на тротуаре под ним расплывалось темно-красное пятно.

Музейные охранники переполошились.

Один из них, тот, что сидел внутри, распахнул дверь и подбежал к раненому.

– Помоги... от машины, – еле слышно попросил тот. – Сейчас рванет.

Охранник охнул, схватил раненого за одежду и оттащил к самому крыльцу. Он успел как раз вовремя: бензобак взорвался, и автомобиль запылал, как факел на ростральной колонне. Раненый затрясся. У него начались судороги, изо рта потекла кровавая пена.

Перепуганный охранник вытащил переговорное устройство и прокричал:

– Толик, ты глянь, чего делается!

Второй охранник, сидевший внутри перед мониторами, которые были подключены к камерам наблюдения, после такого призыва переключился на камеру перед входом, охнул и схватил телефонную трубку, чтобы вызвать пожарных и «Скорую помощь».

Естественно, он не мог видеть, как в это самое время неизвестный в маске кролика, согнувшись в три погибели, проскользнул в музейный зал, подобрался к одной из витрин и быстро вскрыл ее. Из витрины он достал монету с изображением последнего китайского императора, на ее место положил какой-то небольшой круглый предмет и, все так же согнувшись, вернулся в коридор.

Перед входом в музей события развивались своим чередом.

Как ни странно, первой подъехала «Скорая помощь». Из нее выскочили двое крепких санитаров с носилками.

– Где пострадавший? – крикнул один из них.

– Что, не видишь? – огрызнулся охранник и кивнул на окровавленное тело.

Санитары переложили пострадавшего на носилки, вкатили их в машину и умчались.

Дальше, правда, началось что-то непонятное. Отъехав от музея на безопасное расстояние, водитель «Скорой» выключил сирену и оглянулся:

– Что, хорош?

– Спасибо, ребята! – Пострадавший весело поднялся, стя-

нул окровавленную куртку и засунул ее в полиэтиленовый пакет.

– На, лицо оботри, а то люди будут шарахаться! – Санитар протянул ему ватный тампон, смоченный спиртом. Пострадавший стер с лица запекшуюся кровь и теперь выглядел вполне прилично.

– Спасибо. – Он протянул санитару конверт с хрустящими купюрами. – Вы мне очень помогли!

– Всегда к твоим услугам, – подмигнул санитар. – Звони, если еще что-то понадобится. Куда тебя подвезти?

– Да ладно, дальше я сам! – Он выпрыгнул из машины и зашагал в сторону Обводного канала, где находилась его мастерская.

Человек, блистательно сыгравший жертву аварии, был известен немногим под странным именем Ухо. Давний приятель Маркиза пользовался репутацией непревзойденного специалиста по машинам, мотоциклам, скутерам, катерам и снегоходам, а также по квадроциклам, самолетам и вертолетам, словом, по любым средствам передвижения, оснащенным мотором. Ухо мог в течение суток раздобыть любое транспортное средство, от инвалидной коляски до бронетранспортера и от трактора «Кировец» до болида «Формулы-1». Это уже не говоря о том, что он был готов в течение нескольких часов починить любую машину и какую угодно четырехколесную рухлядь превратить в пристойное средство передвижения.

Леня Маркиз привлекал его к своим операциям, если по ходу дела требовались какая-нибудь особенная машина или квалифицированный водитель. Вот и сегодня он договорился с приятелем, чтобы тот разыграл аварию перед входом в музей. Ухо справился с задачей, как всегда, блестяще.

Он уже входил в мастерскую, когда к музею наконец подъехали пожарные. Они размотали брезентовый рукав, и в горящую машину ударила мощная струя пены. Огонь быстро захлебнулся, и от машины повалил густой черный дым.

Как известно, на три вещи можно смотреть бесконечно: на огонь, на воду и на то, как другие работают. Поскольку тушение пожара включает все три компонента, наблюдение за этим процессом издавна принадлежит на Руси к числу любимых развлечений. Сейчас охранник на крыльце не мог отвести глаз от дружно работающих пожарных, и только когда они закончили, вспомнил о своих обязанностях и неохотно вернулся в здание.

За это время Леня Маркиз успел вернуться на исходную позицию, а именно в туалет. Он подтянулся, пролез в окно и спрыгнул в садик.

Рядом раздался негромкий лай.

Леня оглянулся.

По обеим сторонам стояли косматые собаки самого угрожающего вида. Две кавказские овчарки были очень похожи друг на друга. У обеих густая рыжевато-серая шерсть, толь-

ко у одной было черным левое ухо, а у другой – правое.

– Хорошие собачки, хорошие! – Леня медленно отступал к решетке.

Но нет, одна из собак непостижимым образом уже оказалась между ним и оградой.

Овчарки появились в сквере в то самое время, пока Ухо корчился на крыльце, а Леня добывал китайскую монету. Их привез хозяин, майор артиллерии в отставке Прохор Кузьмич Ноздреватый.

Прохор Кузьмич жил за городом, в Парголове, в старом доме с пристройкой. В этой пристройке он и держал своих Фору и Лору. Овчарки были для майора не забавой, не хобби, а главным источником дохода. Каждый вечер он возил их на дежурство в музей, за что получал от владельца немалую сумму.

Надо сказать, Фора и Лора эти деньги отработывали сполна. Да что там, один их грозный вид мог отпугнуть любого злоумышленника.

Сегодня Прохор Кузьмич, как всегда, не кормил собак перед службой, чтобы были в тонусе.

Ничего удивительного, что стоило Форе учуять аппетитный запах, как она не удержалась и захрустела подушечками, которые оставила мнимая уборщица. Лора немедленно присоединилась к трапезе, и через минуту от собачьего корма осталось одно воспоминание.

Еще через минуту с грозными овчарками стало твориться

что-то странное.

Обе вспомнили те далекие времена, когда они были неуклюжими щенками, смешными и игривыми. Больше всего на свете им хотелось сейчас кататься по земле и гоняться за бабочками и лягушками.

Бабочек и лягушек в городе не было, зато за оградой обнаружился какой-то весельчак в кроличьей маске.

Еще какой-нибудь час назад они набросились бы на него с рычанием, повалили бы на землю и держали до прихода хозяина.

Но сейчас... сейчас у собак было совсем другое настроение.

Фора, та самая, что оказалась между Маркизом и садовой оградой, подпрыгнула на всех четырех лапах, несколько раз мотнула хвостом и склонила голову набок, приглашая Лению поиграть в какие-нибудь подвижные игры. Лора, та, что оставалась у Лени за спиной, жизнерадостно твякнула, давая понять, что тоже хочет участвовать в развлечении.

– Хорошие собачки, хорошие! – повторил Леня. Он поднял с земли сухую ветку и швырнул ее подальше. Фора радостно взвизгнула и помчалась за добычей.

Леня двинулся к решетке, но на его пути встала Лора. Она разинула пасть, вывалила язык и всем своим видом демонстрировала, что тоже хочет играть.

– Ладно, сейчас. – Леня наклонился, нашел еще одну ветку и бросил ее в другую сторону. Лора весело завизжала и

огромными прыжками понеслась за палкой.

Леня перевел дыхание и шагнул к ограде. Надо же, между ним и решеткой снова стояла Фора! Она уже вернулась и протягивала Маркизу палку для очередного броска.

– Нет, сколько можно! – раздраженно заметил Леня.

Фора недовольно зарычала, давая незнакомцу понять, что, если он хочет сохранить с ней хорошие отношения, стоит играть по правилам.

– Ладно, – процедил Леня и бросил палку как можно дальше. Он уже хотел было бежать к ограде, но на пути у него сидела Лора.

– Ленечка, а что ты здесь делаешь? – раздался до боли знакомый голос. – Играешь с собаками? Ты уверен, что это подходящее время?

По ту сторону решетки стояла Лола. Его боевая подруга успела переодеться и теперь выглядела не уроженкой деревни Запечье, а обыкновенной городской девушкой, кстати, весьма привлекательной.

– Играю я, как же, – проворчал Маркиз. – Тебе бы так поиграть, посмотрел бы я на тебя! Признавайся, что ты им подсунула? Какой-то легкий наркотик?

– Как ты мог такое подумать! – возмутилась Лола. – Ты прекрасно знаешь, что я принципиальная противница наркотиков. Просто попросила у знакомого ветеринара средство, чтобы собаки на время стали добрее. Он дал этот порошок и сказал, что они целый час будут ласковыми и игри-

выми, как щенки.

– Вот-вот, очень игривые, – хмыкнул Леня. – Даже слишком. – Еще через пару секунд до него дошел смысл сказанного, и он не на шутку испугался: – На час? Ты сказала, на час? А потом?

– А потом, – Лола виновато опустила глаза, – к ним вернется их обычная злобность.

– Сколько у меня осталось? – Маркиз глянул на часы.

– Зависит от того, когда они съели порошок.

– Точно никак не больше получаса! Что же делать, что делать?

– Во-первых, – Лола подняла глаза на испуганного компаньона, – не впадать в панику.

– Хорошо тебе говорить за решеткой! – возмутился Леня. – А я здесь, между прочим, наедине с двумя свирепыми собаками.

– Пока они не такие уж свирепые, – поспешила успокоить его Лола. – Ленечка, а тебе удалось заполучить то, ради чего мы сюда пришли?

– Разумеется. – Леня гордо продемонстрировал монету. – Все, что зависит от меня, я всегда делаю блестяще.

– Разумеется, – просияла Лола. – Может, перебросишь монету мне? Так, на всякий случай. Мало ли, как дело обернется. А так мы хотя бы выполним то, что поручил заказчик.

– Как дело обернется? – занервничал Маркиз. – Что ты этим хочешь сказать?

– Да ничего особенного. Просто там у вас такая возня, как бы ты не потерял монету...

– Наверное, ты права, – вздохнул Леня. – Сейчас брошу, только смотри не упusti!

Сначала он швырнул в дальний конец сквера палку, которую все еще подсовывала ему терпеливая Лора, а после бросил за решетку китайскую монету.

В том смысле, что он, конечно, собирался бросить ее за решетку.

Но как только монета вылетела из Лениной руки, из темноты вылетела Фора и в ловком прыжке взвилась в воздух. Собачья пасть щелкнула, и монета исчезла из виду.

– Давай, Ленечка, бросай же, – донесся из-за ограды Люлин шепот.

– Уже, – процедил Маркиз напряженно.

– Что значит – уже? – не поняла Лола. – Я ничего не видела.

– Конечно, не видела! Эта мерзкая тварь ее проглотила!

– Что проглотила? Монету? – не поверила Лола.

– Монету! – рявкнул Маркиз. – А все твои дурацкие идеи! Брось да брось монету. Вот и бросил!..

– Ага, как обычно, у сильного всегда бессильный виноват! – Лола всхлипнула. – Самому надо было думать.

– Да уж, больше никогда не буду прислушиваться к твоим дурацким советам!

– Что ты там бухтишь? – возмутилась Лола.

– Ладно, извини, это я так. Но вот что нам теперь делать?

– Ленечка, посмотри, они вернулись! – Лола прижалась к ограде и уставилась в темный сквер расширенными от испуга глазами.

Хотя она могла ничего и не говорить, Леня и сам все видел. Обе собаки вернулись, причем заметно было, что игривое и дружелюбное настроение сменилось обычным для кавказских овчарок злобным недоверием ко всему на свете, кроме хозяина.

Лора и Фора пока еще удивленно смотрели на Маркиза и пытались осознать, что они делают в этом сквере с незнакомым человеком.

– Сколько времени, ты говоришь, действует этот порошок? – решил уточнить Маркиз.

– Ветеринар сказал час, – неуверенно протянула Лола. – Может, немного дольше.

– Он тебя обманул!

– Что же делать?

Цирковое прошлое Маркиза оставило ряд полезных навыков. Самой полезной из них была привычка в минуты опасности действовать, а не рассуждать.

Леня наклонился, поднял две ветки и одновременно бросил их в разные концы сквера.

Собаки еще не окончательно вышли из навеянного чудесным порошком настроения, поэтому стремглав понеслись за палками – Лора налево, Фора направо. В ту же секунду Мар-

киз преодолел несколько метров, отделявших его от ограды, с обезьяньей ловкостью вскарабкался и спрыгнул на тротуар.

– Здорово! – восхитилась боевая подруга. – Вот это прыжок! Если у нас не будет заказов, ты сможешь вернуться в цирк – тебя примут там с распростертыми объятиями.

– Типун тебе на язык, – отмахнулся Маркиз. – Кстати, если мы не справимся с этим заданием, слухи точно пойдут по всей Руси великой, и мы с тобой в самом деле останемся без заказов.

Собаки уже успели сбегать за палками и теперь обнаружили, что их новый знакомый сбежал. Судя по их свирепому виду, чудодейственный порошок окончательно выветрился.

– Лолочка, – робко поинтересовался Маркиз, – ты не запомнила, которая из них проглотила монету?

– По-моему, вон та, с черным ухом, – ответила Лола не очень уверенно.

– У них у обеих по черному уху.

– Ленечка, чего ты от меня хочешь? Ты был ближе, тебе лучше знать.

– Ага, я был совсем близко к двум свирепым овчаркам и очень нервничал. Думаешь, у меня было время разглядывать их уши? Представь себя на моем месте!

– Но ты же все-таки мужчина! Так мне, по крайней мере, всегда казалось.

– Что за сексизм? – не на шутку разозлился Маркиз. – Кажется, именно ты выступаешь за равноправие в наших отно-

шениях.

– По-моему, это была вон та, у которой левое ухо черное.

– Ты уверена?

– Постой, я встану на прежнее место, это обычно помогает вспомнить. – Она подошла вплотную к садовой решетке, и обе собаки с грозным лаем устремились к ней. Лола резко побледнела и отшатнулась.

– Так что? – поинтересовался Маркиз. – Которая?

– Точно та, с левым ухом! – заверила Лола. – А почему ты спрашиваешь? Какая разница, которая из них проглотила эту чертову монету?

– Очень большая. С одной собакой справиться все же легче, чем с двумя.

– Что? – Лола побледнела еще больше. – Не хочешь ли ты сказать?..

– А что нам остается? Мы же должны довести дело до конца! Мы не можем отступить!

– Ленечка! – Лолины губы затряслись, в уголках глаз выступили слезы. – Ты знаешь, как я боюсь собак.

– Но ты же обожаешь Пу И!

– Пу И не собака, – привычно начала Лола, – Пу И – неземное создание, ангел, случайно залетевший на нашу грешную землю.

Так она обычно отвечала швейцарам и метрдотелям, которые пытались не пустить их с песиком в ресторанный зал. Надо сказать, в большинстве случаев этот аргумент срабаты-

вал, особенно если Лола подкрепляла его купюрой подходящего достоинства.

– Это не обсуждается! – отрезал Маркиз. – Он прекрасно знал, что боевая подруга умеет плакать на заказ, и не придал ее слезам большого значения. – Продолжаем работать! У тебя с тем ветеринаром хорошие отношения?

– Как тебе сказать? – Лола изобразила загадочное выражение лица. – Неплохие.

– Откуда ты вообще его знаешь?

– Мы познакомились очень давно, тогда он еще не был ветеринаром.

По ее воркованию Леня догадался, что ветеринар – бывший Лолкин хахаль. Сердце неприятно кольнуло, как будто кто-то противный царапнул внутри когтями. Казалось бы, он сам установил принцип их совместной жизни – не смешивать удовольствие и работу. Иначе говоря, они партнеры, и только. Лолка тогда сказала, что не больно-то и хотелось и что он как мужчина ее совершенно не привлекает. Но как Леня ни скрывал свои многочисленные интрижки, почти все тайное рано или поздно становилось явным, и тогда Лолка закатывала скандал, как самая настоящая жена, долго дулась и даже настраивала против него животных, причем никогда в этом не признавалась.

– Ты же сам сказал, чтобы я не обращалась к Арнольду Гавриловичу, потому что он непременно станет задавать вопросы, – парировала Лола.

Арнольд Гаврилович был человеком строгим и к своим профессиональным обязанностям относился ответственно. С Лолой у него постоянно были трения из-за питания Пу И. Лола вопреки предостережениям ветеринара продолжала водить песика в кафе и кормить ореховыми трубочками.

– Ладно, тогда немедленно поезжай к своему ветеринару и привези вот что. – Маркиз скосил глаза на беснующихся за решеткой собак и зашептал, как будто овчарки могли его подслушать. Затем добавил, повысив голос: – И пусть ждет нас со всеми необходимыми инструментами.

– Но сейчас же поздно, – заныла Лола, – рабочий день закончился.

– У нас каждая минута на счету! И потом, не ты ли только что уверяла, что у вас прекрасные отношения? Пора отвечать за базар.

– Фу, какой грубый! – возмутилась Лола, но на задание все же отправилась.

Леня остался в машине – следить за собаками, которые безостановочно бегали вдоль ограды и бросали в его сторону довольно недружественные взгляды.

Так прошел час. Наконец из темноты вынырнула Лола. В руках у нее был небольшой сверток.

– Тебя только за смертью посылать, – проворчал Маркиз недовольно. – Ты же знаешь, что у нас каждая минута на счету!

– Хам и грубиян! – возмутилась она. – Я и так спешила,

как могла. И потом, ты же понимаешь, что мне пришлось выйти из такси в нескольких кварталах отсюда и идти одной по ночным улицам. И вместо сочувствия и благодарности...

– Ладно, – смягчился Маркиз, – некогда препираться. Что там у тебя?

В пакете оказалось несколько небольших дротикиков вроде тех, какими играют в дартс.

– Васик использует эти дротики, когда нужно усыпить крупное животное или опасного хищника. – Леню царапнуло это «Васик», но из гордости он решил промолчать. – Доза снотворного в каждом дротике рассчитана на льва, так что на овчарку точно должно хватить. По крайней мере, так сказал Васик.

– Будем надеяться.

Маркиз вооружился дротиками и подошел к ограде.

Овчарки недружественно зарычали.

– Ленечка, – подала голос Лола, – Васик сказал, будет лучше, если дротик попадет в заднюю лапу или в попу.

– Васик? – Маркиз окончательно потерял терпение. – Скажите пожалуйста, он уже Васик!

– Но ты же сам меня к нему послал, – обиделась Лола. – Тебя не поймешь.

– Ладно, – отмахнулся Маркиз, – меня это совершенно не касается. В конце концов, это твое личное дело. – В этом месте он, конечно, слегка покривил душой. – Но как прикажешь попасть в попу, если они стоят ко мне мордой и еще

при этом скалятся?

– Очень просто.

Лола достала пакетик с остатками корма и бросила горсточку через решетку. Собаки развернулись, подскочили к подушечкам и аппетитно захрустели.

– Приготовьтесь, девочки, вечерние уколы! – Леня быстро бросил два дротика. Один попал в левую заднюю лапу Фору, другой задел ветку сирени и упал на землю. Лора обернулась и грозно оскалила клыки.

– Вот, промазал, – разочарованно протянула Лола. – Сколько осталось дротиков?

– Еще два. Ну-ка, повторим!

Лола бросила через ограду еще несколько подушечек и прошептала:

– Ленечка, не промахнись, больше у меня нет!

На этот раз Маркиз тщательно прицелился и попал Лоре в правую заднюю лапу.

Собаки доели все что было и вернулись к ограде. Теперь в их глазах не было прежнего блеска, рычание не казалось таким грозным, а движения стали неуверенными. Леня взглянул на часы.

Прошло чуть больше минуты. Фора повалилась на бок и ровно задышала. Лора удивленно рыкнула, но уже в следующую секунду плюхнулась рядом с подругой.

– Вуаля! – Торжествующая Лола повернулась к Маркизу: – Все, как он сказал.

Леня смотрел на нее с каким-то странным выражением.

– Ленечка, – Лола на всякий случай попятилась, – что случилось? Почему ты на меня так смотришь? У меня с Васиком ничего такого не было, мы просто приятели...

Это была явная ложь, но Маркиза сейчас занимало не это.

– Значит, у тебя оставался корм с тем чудодейственным порошком? – процедил он.

– Еще немножко было...

– Что же ты не сказала об этом, когда я был там, за оградой? Когда действие первой порции закончилось и они как раз собирались меня сожрать?

– Ленечка, но я забыла, – пролепетала Лола. – У меня просто вылетело из головы.

– Они могли меня разорвать на куски! А ты просто забыла!

– Прости, дорогой! – взмолилась она. – И, кстати, нам нужно действовать скорее, а то собаки проснутся.

– Действительно! – спохватился Маркиз. – Так которая, говоришь, проглотила монету?

Лола с опаской приблизилась к решетке.

– Вот эта, с левым ухом.

Леня сходил к машине и вернулся с мотком веревки. После этого он перебрался через ограду и обвязал веревкой собаку, на которую указывала Лола.

– Ленечка, что ты собираешься делать? – поинтересовалась боевая подруга.

– Как – что? – пропыхтел Маркиз, завязывая очередной узел. – Перетащить ее через забор.

– Но она же очень тяжелая!

– В жизни всегда есть место подвигу. Тем более другого способа вытащить ее отсюда я все равно не вижу. Не рыть же подкоп под оградой.

– Может, проще вынести ее через калитку?

– Что? – Леня с изумлением уставился на нее. – Здесь есть калитка?

– Да, в том конце сада.

– Так что же ты молчала? – разъярился Маркиз.

– Но я всего лишь женщина, – съязвила Лола. – Я должна помнить свое место и молчать, пока не спросят.

Маркиз в ответ только фыркнул – слов от возмущения не было.

Калитка, конечно, была заперта, но никакой замок не мог представлять для Маркиза серьезного препятствия. Леня открыл его в два счета, Лола тем временем подогнала к калитке Ленину машину, и совместными усилиями они втащили безмятежно спящую Лору в багажник.

Через полчаса они подъехали к небольшому одноэтажному особняку в тихом зеленом районе. Табличка на двери гласила: «Ветеринарная клиника «Доктор Дулитл». У ворот нервно прохаживался молодой человек лет тридцати с круглым лицом и задиристо торчащими кошачьими усами.

– Где же она? Где пострадавшая?

– Ленечка, я должна тебя кое о чем предупредить, – зашептала Лола. – Я сказала Васику, что это наша собака, что она проглотила какой-то металлический жетон, и мы беспокоимся за ее здоровье, поэтому пришлось поднять его ночью.

– Разумно, – одобрил ее Маркиз.

Они выбрались из машины и открыли багажник.

Ветеринар всплеснул руками:

– Вы везли ее в багажнике?

Спорить с очевидным не приходилось.

– Но ей же там неудобно, тесно и душно! – возмущался тот, кого Лола интимно называла Васиком. – Как можно так бесчеловечно обращаться с животным?

Леня пожал плечами.

Ветеринар разложил носилки, и они вдвоем внесли собаку в клинику.

Лола бежала рядом и изображала взволнованную публику – охала, вздыхала и размахивала руками.

– Как вы думаете, доктор, – спросил Маркиз, когда они переложили овчарку на стол, – этот жетон, который она проглотила, еще в организме? Он не мог выйти, так сказать, естественным путем?

– А как давно она его проглотила?

– Часа полтора назад.

– Определенно не успел, – успокоил его ветеринар. – Жетон должен был пройти весь пищеварительный тракт, а это пищевод, желудок, кишечник...

– Прощу без подробностей! – поморщился Маркиз.

– Сейчас мы дадим ей слабительное, и все будет в порядке. Не волнуйтесь, у вашей собачки крепкий организм. Вы не представляете, что они иной раз глотают без ущерба для здоровья! Одна собака, мастино наполитано, проглотила мобильный телефон хозяина, между прочим, генерала полиции, а ему звонили часто. Можете себе представить, из живота мастино каждые пять минут раздавалось «Наша служба и опасна, и трудна». А другая собака проглотила включенную электробритву марки «Сименс». Но это тоже не страшно, дали слабительное и потом промыли горячей водой...

– Попрошу без подробностей, – взмолился Леня, – я не так давно ужинал!

– Хорошо. – Ветеринар глянул на часы. – Как давно ей ввели снотворное?

– Минут сорок назад.

– Пора просыпаться. Лора, Лорочка, подъем! – Он похлопал спящую овчарку по морде.

– Лора? – Маркиз был потрясен. – Откуда вы знаете, как ее зовут?

– Это же элементарно. – Ветеринар показал на ошейник, где было вышито имя собаки.

– Да, действительно. – Леня наморщил лоб. – А она не опасна для окружающих? Предупреждаю: она очень злобная. И потом, она только что перенесла стресс.

– Для нас с вами она опасности не представляет. Вы ее

хозяин, а я прекрасно умею обращаться с собаками.

Как раз в этот момент Лора пошевелилась и подняла голову. Видно было, что силы к ней еще не вернулись, однако, увидев Маркиза, она зарычала.

– Странно, – нахмурился ветеринар, – обычно они на хозяев так не реагируют.

– Но я же говорю: она сегодня перенервничала. Может, дать ей сильнодействующее успокоительное – для снижения агрессии?

Ветеринар колебался.

– Видите ли, сочетание успокоительного со слабительным может дать неожиданный эффект.

Лора тем временем начала подниматься. С Лени она по-прежнему не сводила горящих глаз. Из ее груди вырывались звуки, отдаленно напоминающие рев самолетного двигателя за пару минут до взлета.

– Да, пожалуй, придется ее немного успокоить.

С этими словами ветеринар достал из шкафчика два бумажных пакетика с какими-то порошками, смешал их с собачьим кормом и выложил все на блюдечке перед Лорой. Та молниеносно проглотила все, и на ее морде появилось задумчивое выражение. Рычать она перестала, зато беспокойно закрутила головой.

– Видите, как быстро подействовало, – оживился ветеринар и надел тонкие резиновые перчатки.

Он помог Лоре слезть со стола и провел ее за занавеску.

Вскоре оттуда донеслись недвусмысленные звуки, а дальше наступила тишина, время от времени нарушаемая коротким хмыканьем:

– Не то, не то, хм, снова не то...

– Вот давно хотел спросить, – приободрился Лёня, прислушиваясь к доносящимся из-за занавески звукам, – наверное, не каждый способен работать ветеринаром? Должно быть, для этого требуется особое призвание. Я бы, к примеру, не смог заниматься тем, что вы сейчас делаете.

– В каждом деле есть свои нюансы, – отозвался ветеринар, – в вашем наверняка тоже.

– Это точно, – вздохнул Маркиз.

Через пару минут ветеринар вышел из-за занавески и сокрушенно развел руками:

– Увы, я не нашел никакого жетона. Может, вы ошиблись, и он просто куда-то завалился?

– Нет, – Лёня был непреклонен, – я собственными глазами видел, как она его проглотила.

– Странно, весьма странно. Хотя, конечно, пищеварительный тракт у собак довольно протяженный, жетон мог застрять где-то на полпути. Придется сделать рентген, без него ничего нельзя утверждать наверняка.

Лора со смущенным видом вышла из-за занавески, цокая по кафельному полу.

– Дама, пройдемте на следующую процедуру. – Васик уверенно втащил овчарку на стол, над которым нависало слож-

ное устройство на длинной поворотной штанге, соединенное с компьютером.

Собака вела себя на удивление смирно.

Доктор включил прибор и направил его на Лорин живот, после чего склонился над монитором.

– Нет, как хотите, я ничего не вижу! – воскликнул он. – Можете сами убедиться.

Леня занял место за плечом ветеринара. Он никогда не видел рентгеновского изображения собачьих внутренностей, но ничто из того, что было на экране, уж точно не напоминало монету государства Маньчжоу-Го. Да и вообще никакую монету.

– Действительно, – протянул Леня разочарованно, – ничего похожего.

Тут он вспомнил, что давно не слышал голос боевой подруги, хотя обычно Лола болтает без умолку.

Маркиз оглянулся.

Его верная соратница стояла, привалившись к двери, и вид у нее был виноватый и смущенный.

– В чем дело? – подозрительно поинтересовался Леня. – Ты что-то хочешь сказать?

– Понимаешь, Ленечка, – она упрямо отводила глаза, – я сейчас вспомнила... Представила себе ту картину, когда ты бросил монету...

– И что? – в бешенстве завопил он.

– Понимаешь, Ленечка, кажется, я немного ошиблась.

Сейчас я думаю, что это было не то ухо.

– Не то?!

– Ага. Не левое, а правое.

– Значит, по твоей милости мы привезли не ту собаку? Нет, ты хоть понимаешь, что это полный крах? Пока мы здесь крутились, та собака уже давно... Да я прямо скажу: она избавилась от монеты естественным путем!

– И что нам теперь делать?

Леня задумался.

– Поехали обратно к музею. Если повезет, сумеем выманить вторую собаку, а нет, так хоть эту вернем. В конце концов, не можем же мы взять ее к себе.

– Действительно, Пу И будет очень недоволен.

Лора между тем вела себя странно: меланхолично вздыхала, закатывала глаза, виляла хвостом и то и дело бросала на Маркиза томные взгляды.

– Что с ней? – Леня повернулся к ветеринару.

– Не знаю, – пожал тот плечами. – Ей за сегодняшнюю ночь столько пришлось принять: и снотворное, и антидепрессант, и средство для снижения злобности! Кто знает, как это сочетание могло повлиять на психику?

Овчарка грустно вздохнула, прижалась к Лениной ноге и снова закатила глаза.

– Надо же, Ленечка, – вмешалась Лола, – твое мужское обаяние, оказывается, действует не только на секретарш, официанток и младший медицинский персонал, но и на кав-

казских овчарок. Придется занести тебя в Книгу рекордов Гиннесса.

– Хватит болтать ерунду, – оборвал ее Маркиз. – Поехали! Каждая секунда дорога. Может, мы еще успеем перехватить монету.

На этот раз овчарку посадили в салон, причем она мгновенно заняла пассажирское сиденье рядом с Леней. Лола попыталась было пересадить ее назад, но Лора в ответ зарычала и обнажила клыки.

– Леня, ты это видел? – возмутилась Лола. – Она мне угрожает! В конце концов, ты можешь поставить эту зубастую дрянь на место? Или теперь она будет твоей компаньоншей и соратницей, а мое место на коврике у дверей?

– Девочки, не ссорьтесь! – примирительно проговорил Леня. – Некогда выяснять отношения, нужно скорее возвращаться.

Лола надулась и за всю дорогу не проронила ни слова.

Увы, они опоздали. В ту самую минуту, когда компаньоны подъехали, красный от возмущения майор Ноздреватый как раз запустил вторую собаку в машину, закрыл за ней дверцу и погрозил кулаком столпившемуся на пороге персоналу музея:

– Вы мне еще ответите за Лорочку!

Минут за сорок до этого Дмитрий Осетровский, разбуженный звонком ночного дежурного, прибыл в музей. Сам

дежурный встретил хозяина в чрезвычайном смятении.

– Здесь такое случилось, – начал он, пряча глаза. – Возле нас разбилась машина...

Дымящиеся обломки еще не были убраны с места аварии. Осетровский недовольно покосился на них и нервно дернул плечами.

– Какое отношение это имеет ко мне? Какого черта вы меня разбудили в такую рань?

– Но вы же велели звонить вам в случае ЧП, вот я и посчитал своим долгом...

– Да, но только в случае ЧП в музее, а не на всей прилегающей территории! В городе за ночь много чего происходит, но ко мне это не относится.

– Понимаете, какое дело, – мялся дежурный. – Мы, само собой, вызвали пожарных и «Скорую»...

– Правильно сделали, – буркнул Осетровский. – А я-то при чем? И что ты цедишь в час по чайной ложке? Охранник ты или психотерапевт? Говори уже прямо, что еще стряслось!

– Понимаете, пока мы с этой чертовой аварией разбирались, кто-то пробрался в музей...

– Что значит – пробрался? – Хозяин задвигал желваками. – Вы, хомяки беспородные, ушли с поста? Пропустили вора в музей? Да я вас в порошок сотру! Больше того, вы мне возместите все потери! До копейки все отработаете!

– Он мимо поста не проходил, – забормотал дежурный. –

Христом богом клянусь, не проходил! Он каким-то другим образом в зал пробрался.

Клятва дежурного стоила немногого, поскольку он был уроженцем Дагестана и правоверным мусульманином, о чем Осетровскому было доподлинно известно. Коллекционер побагровел и затопал ногами. Дежурный пододвинул к нему монитор:

– Вот посмотрите, запись имеется. Он зашел не с улицы, а изнутри, из служебного коридора.

Осетровский уставился на экран и проследил за воровато согнувшейся фигурой в маске мультяшного кролика. Терпение коллекционера лопнуло.

– Что пропало?

– Вроде ничего.

– В жизни не поверю. Устроить такой фейерверк, проникнуть в музей и ничего не взять?

Осетровский влетел в музейный зал. На первый взгляд все экспонаты действительно были на месте.

Он обошел витрины с монетами и наметанным глазом разглядел, что одна выглядит не так.

Это была витрина с монетами недолго просуществовавшего государства Маньчжоу-Го.

Осетровский склонился над витриной и увидел на месте одной из монет значок «Победителю ежегодного смотр-конкурса художественной самодеятельности животноводческого колхоза «Красная свиноматка».

Пропавшая монета не представляла большой исторической или художественной ценности и в музее оказалась главным образом благодаря необычному дизайну. Однако вор отвлек охрану и каким-то образом перехитрил электронную систему безопасности только для того, чтобы украсть одну эту монету.

В этом же зале лежали ценные античные монеты, но он их не тронул. Это было непонятно, и собственное непонимание тревожило Осетровского больше, чем кража. Неужели он чего-то не знал об этой монете? Может, в ней есть какой-то дефект, который делает ее необычайно ценной?

Когда Осетровский чего-то не понимал, он начинал подозревать, что его облапошили. Когда он убеждался, что его облапошили, он приходил в неопишемую ярость. Эту ярость просто необходимо было сейчас на ком-нибудь сорвать.

В этот неподходящий момент в музее появился отставной майор Прохор Кузьмич Ноздреватый.

Прохор Кузьмич приехал забрать собак с дежурства, однако на боевом посту застал только Фору. Лоры не было. Зато был владелец музея Осетровский, и он рвал и метал.

– Где моя собака? – Отставной майор окинул присутствующих командирским взглядом.

– Твоя собака? – переспросил Осетровский подозрительно тихо. – Так это я должен сторожить твоих собак? А я-то, дурак доверчивый, думал, что плачу, и замечь, немало плачу, за то, чтобы твои собаки сторожили мой музей. Твои

дурацкие собаки упустили вора, который украл самый ценный экспонат! Ты теперь со мной вовек не считаешься! Еще он меня спрашивает о своей сучке! Небось сбежала с каким-нибудь кобелем.

Но Прохор Кузьмич тоже был не лыком шит. Во времена службы ему случалось перекрывать голосом мощную канонаду. Однажды он даже перекричал знаменитого на всю дивизию подполковника Поперечного. Теперь, вспомнив боевое прошлое, Ноздреватый рывкнул так, что под потолком зазвенела старинная люстра:

– Молчать! Смирно! Не смей при мне раскрывать рот! Не смей порочить доброе имя собаки!

Осетровский, не ожидавший такого отпора, растерялся и упустил инициативу, чем немедленно воспользовался отставной майор.

Он шагнул вперед, чеканя шаг, как на параде, и тем же громовым голосом рывкнул:

– Мои собаки ни в чем не виноваты! Они никогда не пропустят на объект постороннего! У них блестящий послужной список без единого замечания! Со своими придурками разбейся!

Майор обвел взглядом перепуганный персонал.

Фора, почувствовав боевое настроение хозяина, рвалась с поводка и грозно скалилась на Осетровского.

Тот все же взял себя в руки и неприязненно процедил, косясь на овчарку:

– Ты уволен! На выходное пособие можешь не рассчитывать.

– Да я и сам здесь ни дня не останусь! – Ноздреватый гордо вскинул голову. – Пойдем отсюда, Форочка.

Уже из машины он успел прокричать:

– Вы мне еще ответите за Лорочку!

На пути к дому, однако, майор остыл и понял, что потеря музейного места пробивает безжалостную брешь в его бюджете. Тем более что вредный Осетровский может распустить слух, что собаки Ноздреватого плохо охраняют вверенное имущество. А деньги нужны позарез, как-никак две прожорливые собаки.

Тут Прохор Кузьмич вспомнил, что собака у него осталась одна, поскольку Лора пропала в неизвестном направлении. От этой мысли он еще больше расстроился.

У дома он заглушил мотор, выпустил Фору и уже хотел отвести ее в загон, но собака неожиданно занервничала, закулила, заглянула в глаза хозяину, словом, всеми возможными способами дала понять, что ей срочно понадобилась прогулка.

Прохор Кузьмич воспитывал своих собак в строгости и требовал от них неукоснительного соблюдения дисциплины. Удовлетворять естественные потребности на месте службы им не позволялось. Дисциплинированная Фора дотерпела до дома, но теперь требовала свое.

– Что с тобой поделаешь, – вздохнул майор, пристегнул

поводок и вывел собаку за ворота.

Не успели они пройти и двадцати шагов, как Фора осуществила свое законное право.

– Ты что же делаешь, хулиганка! – прикрикнул хозяин. – Не могла потерпеть до лесочка?

Фора взглянула на него виноватыми глазами и дала понять, что нет, не могла.

Беда была в том, что она устроилась прямо перед воротами соседа Прохора Кузьмича, отставного подполковника Поперечного. Того самого, который когда-то славился на всю дивизию зычным голосом.

Если Поперечный увидит, какое безобразие учинила перед его дверью соседская собака, он устроит настоящий скандал. И будет, между прочим, в своем полном праве.

Но Прохор Кузьмич был готов к такому повороту событий. Отправляясь на прогулку с собаками, он всегда брал с собой несколько полиэтиленовых мешочков и совок, чтобы в случае чего навести порядок. Вооружившись этим нехитрым инвентарем, он быстро убрал Форино непотребство.

По ходу этого не слишком приятного занятия он заметил блеснувшую среди продуктов собачьей жизнедеятельности монету.

Первым побуждением майора было немедленно позвонить Осетровскому и сообщить о находке. Но в следующую минуту он некстати вспомнил, как Осетровский орал на него, а главное, как оскорбительно высказывался о его лю-

бимых собаках...

И Прохор Кузьмич решил отомстить. Нет, он не отдаст монету этому богачу. Уж лучше продать – и поправить тем самым пошатнувшееся благосостояние.

Майор осторожно очистил монету от всего, с чем ей пришлось встретиться в Форином желудке, запер собаку и снова поехал в город.

Леня проследил за машиной собаководы до самого его дома. Здесь он остановился за кустами в некотором отдалении, открыл дверцу и повернулся к Лоре:

– Вот твоя деревня, вот твой дом родной. Дальше, думаю, доберешься сама. Хозяин тебя, верно, ждался!

Лора выслушала его, склонив голову к плечу, но не подумала тронуться с места.

– Чего ждешь? – Маркиз понемногу терял терпение. – Вон твое жилище – беги туда!

Собака даже не шелохнулась. Она смотрела на Леню преданным взглядом. Тем самым, который в художественной литературе называют собачьим.

– Пошла! – прикрикнул на нее Маркиз. – Пошла вон! Пошла, кому говорят!

Он попытался вытолкнуть овчарку, но та словно выросла в машину.

– А если это любовь? – мстительно ввернула Лола. – Боюсь, Ленечка, что теперь ты как честный человек обязан же-

ниться!

– Издеваешься, да? – покосился Маркиз. – Лучше посоветуй, что мне с ней делать.

– А ты во всем честно признайся!

– Это в чем еще? – испугался он.

– Как в чем? Что у тебя жена с двумя детьми в Воронеже и еще одна в Тамбове. Ту, в Костроме, можно и не считать, это была ошибка молодости...

– Иди ты к черту! – огрызнулся Маркиз.

– Какой ты, Ленечка, грубый и невоспитанный, – протянула Лола. – Даже непонятно, что она в тебе нашла. Ой, смотри-ка, он куда-то собирается!

– Кто? – не понял Леня.

– Да наш собачий начальник!

В самом деле, Ноздреватый торопливо открывал ворота. Через минуту его машина уже мчалась в сторону города.

– Что это он вдруг так заторопился? – удивилась Лола.

– Вот и я думаю, не нашел ли он нашу монету?

Маркиз снова повернулся к овчарке:

– Немедленно отправляйся домой! Честно тебе скажу, подруга: ты не в моем вкусе. Я предпочитаю брюнеток, и комплекция у тебя того, не слишком подходящая, я крупных женщин как-то не очень... Опять же в парикмахерской ты когда последний раз была? То-то же. Если хочешь заинтересовать мужчину, надо следить за собой!

Лора обиженно рыкнула, выскочила и потрусил к дому

майора.

В ту же секунду Маркиз включил зажигание, развернулся и поехал догонять Прохора Кузьмича.

Примерно через час они подъехали к Сенной площади.

Район, примыкающий к площади, еще в XVIII веке приобрел дурную славу. Здесь, у Сенного рынка, находилась знаменитая «Вяземская лавра», самая страшная трущоба города. Не случайно Федор Михайлович Достоевский поселил в окрестностях Сенной героев «Преступления и наказания».

С тех пор прошло полтора столетия, но и сейчас на Сенной обитают подозрительные личности, и до сих пор здесь можно купить и продать что угодно.

Леня потерял машину Ноздреватого в лабиринте переулков на подступах к площади. Дальше он решил идти пешком в надежде снова заметить майора, и надо же – ему повезло. Точнее, повезло Лоле. Она схватила Маркиза за плечо:

– Смотри, вон он!

Ноздреватый о чем-то договаривался с вертлявым низкорослым типом лет пятидесяти. Тип этот был какой-то потертый и поношенный. Круглую розовую лысину обрамляли редкие седоватые волосы. Длинный нос двигался, как будто к чему-то принюхивался. Завершали картину непропорционально большие ноги в крепких высоких ботинках на шнуровке.

– Этого я знаю, – заявил Леня. – Это же Веня Пирожок, мелкий жулик и карманник.

– Ничего себе знакомства, – поморщилась Лола.

– Никогда не знаешь, что может пригодиться, – философски заметил Маркиз. – Смотри-ка, они торгуются!

Действительно, Прохор Кузьмич и Веня о чем-то горячо спорили. Веня старался изобразить незаинтересованность и пару раз даже порывался уйти, но майор хватал за рукав и не пускал. Наконец он махнул рукой и протянул Пирожку что-то маленькое и блестящее.

– Это монета! – прошипел Леня. – Он продал нашу монету Вене!

Жулик передал Ноздреватому тощую стопку купюр, и их пути разошлись. Разочарованный отставник поплелся прочь, а Пирожок довольно потер руки и двинулся в сторону рынка.

Маркиз наметил новый план действий. Очевидно, что Веню нужно было перехватить как можно скорее.

Леня двинулся следом, но догнать Пирожка не успел: рядом остановилась полицейская машина, стражи порядка схватили Веню под руки и куда-то повезли.

– Не везет так не везет, – пригорюнился Маркиз. – Где теперь его искать? Разве что в тринадцатом отделении, там занимаются всей местной шпаной.

– В полицию я точно не пойду! – отрезала Лола. – Это у тебя сплошные криминальные знакомства, я, знаешь, лучше по магазинам пройдусь.

– Ты здесь осторожнее, – придержал ее за локоть Маркиз. – За кошельком присматривай, а то улетит – не дого-

нишь.

Часа полтора Леня провел в поисках. Оказалось, что Пирожка увезли не в тринадцатое отделение, а вовсе в девятое.

Наконец Леня вошел в нужное здание.

За столом против входа сидел толстый лейтенант в криво застегнутом кителе. Маленькие глазки лейтенанта смотрели в разные стороны. Рядом, за решеткой обезьянника, шумела местная шпана. Среди бомжей и мелких хулиганов Леня заметил Веню. Тот держался особняком и всем своим видом показывал, что попал сюда случайно.

– Лейтенант, – воззвал Веня к дежурному, – вот скажи, зачем я здесь? Трагическая ошибка, не иначе. Я приличный гражданин, кого хочешь спроси. Меня Иван Николаевич лично знает!

– Заткнись, Пирожок, – беззлобно огрызнулся лейтенант и посмотрел на карманника левым глазом. – Как раз Иван Николаевич и велел тебя прихватить. Ты ему за два месяца задолжал!

– Сам понимаешь, лейтенант, сейчас трудные времена, – ныл Веня. – Страна не оправилась от кризиса...

– Это не мои проблемы! – отрезал лейтенант, и глаза его снова разбежались в разные стороны. – Кризис там или не кризис, а платить должен вовремя, иначе, сам понимаешь, неприятности тебе гарантированы. Эй, гражданин, а вам что нужно?

Последние слова относились к Лене.

– Приветствую! – Маркиз сейчас был само жизнелюбие. – Молодой человек, хочу сообщить приятную новость: ваш номер выиграл в конкурсе!

– Что? – ошолбенел лейтенант. – Какой еще номер, телефона, что ли?

– Нет, ваш номер обуви! Вы ведь носите ботинки сорок шестого размера? – Леня скосил глаза на ножищи лейтенанта. – Вот этот номер и выиграл в нашем конкурсе. Выигрыш небольшой, но приятный! – Он положил на стол перед полицейским купюру.

– Ясно, – пробормотал лейтенант, и оба его глаза ненадолго сошлись на Лене. – Поговорить, что ли, надо?

– Абсолютно точно! – подтвердил Маркиз. – Сколько вам задолжал, к примеру, этот правонарушитель? – Он мотнул головой в сторону Вени.

– Во-первых, не мне, а Ивану Николаевичу. – Глаза лейтенанта снова разбежались по противоположным углам. – А во-вторых, сколько задолжал – не моя тема.

– Хорошо сказано, – одобрил Маркиз, – никогда не нужно считать чужие деньги. Гораздо приятнее иметь свои. А если я удвою сумму вашего выигрыша, сможете закрыть глаза на существование этого ханурика? В конце концов, вы могли его просто не найти.

– Как это? – набычился лейтенант. – Это что, взятка? Меня же Иван Николаевич лично попросил!

– А если утрою? – не сдавался Маркиз.

– Если так, тогда ладно, – неожиданно подобрел лейтенант и достал из стола связку ключей.

– Пирожок, твое счастье. Можешь выходить! Считай, что мы с тобой сегодня не встретились. Не пересеклись, как говорится, наши жизненные пути.

В обезьяннике поднялся шум.

– Эй, а почему только его выпускают? А мы чем хуже? Мы, значит, что, второго сорта?

Кто-то быстро сообразил, что Пирожка выпускают по Лениной протекции, и из угла донеслось:

– Парень, зачем тебе этот пережиток прошлого? Забери лучше меня, я тебе пригожусь!

– И меня! И меня!

– У меня не благотворительный фонд. – Леня отвесил поклон сидельцам. – Меня мама учила, что нужно делать одно доброе дело в день. Каждый день, но только одно. А я сегодня одно уже сделал – вывел на свободу этого пролетария умственного труда. Хорошенького понемножку, фирма закрыта на переучет. Записывайтесь на прием у моего секретаря, все заявки будут рассмотрены в порядке поступления!

С этими словами он покинул отделение.

На улице Веня огляделся и торжественно продекламировал:

– Темницы рухнут, и свобода нас встретит радостно у входа, и братья выпить нам дадут!

– А ты начитанный, Пирожок! – оценил Маркиз.

– Память хорошая. Между прочим, в школе по литературе была твердая четверка. А все почему?

– Почему же? – заинтересовался Ленья.

– Потому что папаша, покойник, за каждую четверку давал денег на пиво. Вот что значит принцип материальной заинтересованности! Так как насчет выпить?

– Это возможно, но только позже. Сначала дело.

– Дело? – Пирожок изобразил искреннее удивление. – Разве у нас с тобой есть общие дела?

– А ты думал, я тебя вытащил из ментовки по случаю Нового года? Так я не Дед Мороз, и на улице, как видишь, лето!

– Выходит, перевелись на свете добрые люди, – сокрушенно вздохнул Веня. – Каждым движет только корысть! И чего ты хочешь от скромного труженика тыла?

– Монету, Веня! – Маркиз протянул ладонь.

– Монету? – Глаза Пирожка подозрительно забегали. – Какую еще монету?

– Пирожок, не разыгрывай передо мной умственно отсталого! Два часа назад ты купил у безразмерного лоха старую китайскую монету...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.